

 ВИНЧЕСТЕР
ЛУЧШИЕ ВЕСТЕРНЫ

МАКС БРЭНД
МЕСТЬ ФЕРМЕРА

Макс Брэнд
Тропой дружбы

«Центрполиграф»

Брэнд М.

Тропой дружбы / М. Брэнд — «Центрполиграф»,

«Тропой дружбы» – роман о приключениях Слоупа, Блонди и Рэда на золотых приисках. Неиссякаемая энергия и находчивость помогают этой странной троице разгадать все уловки мошенников и преодолеть все препятствия.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Макс Брэнд

Тропой дружбы

Глава 1

Если бы я задал вам вопрос, какое зрелище вас больше всего поразило в жизни, то что бы вы ответили? Ну, кто-то вспомнил бы высоченную гору с уцепившимися за самую ее макушку лохматыми облаками, а другой – как лунной ночью в море ему встретился громадный айсберг, который тихо, будто привидение, проплывал мимо и весь светился призрачным зеленоватым огнем. Или реку, когда она прямо на глазах со страшным треском вскрылась ото льда и очертя голову понеслась вскачь, даром что целую зиму проспала мертвым сном. Для кого-то это был бы бультерьер, с его мощными челюстями и лапами, или чистокровная лошадь, лучше чего и впрямь ничего нет на свете, или, может быть, большущий корабль. Но из всего диковинного, что приходилось видеть мне, от чего, бывало, замирало сердце, а глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит, я не припомню ничего равного такому чуду природы, как Слоуп Дюган.

А надо сказать, я на моем веку повидал немало сильных парней. В те времена среди бродяг, скитающихся на Западе, встречались настоящие мужчины, уж это мне довелось познать на самом себе. Бывало, все мое тело украшали отпечатки их кулачищ, а чернила для такой работы они подбирали особые – фиолетовые да багровые, несмываемые. Между тем тогда, глядя на меня, никто не мог подумать – вот, мол, какой он крепыш. Нет, я был нескладным тощим парнишкой, у которого кости из-под кожи выпирали в самых ненужных местах. И все же эти бродяги безжалостно лупили меня вдоль и поперек, потому что я занимался тем, что разъезжал по чугунке на скорых поездах и старался приделать ноги к их поклаже, когда она казалась мне уж очень небрежно засунутой под полку. Случалось, только увернешься от какого-нибудь обо-зленного оборванца, но тут, откуда ни возьмись, появляются копы, поездные или станционные, и с ходу принимают тебя мутузить. А силища у них была такая, что один коп спокойно шел на троих самых отпетых хулиганов и отделявал их так, что родная мать не узнает. Кондукторы, те тоже от них не отставали. Так что, полагаю, у вас сложилось какое-то представление о тех мерках, которыми я пользовался в оценке мужской силы. Однако Слоуп Дюган обставил всех, кто мне когда-либо встречался.

Во-первых, мне повезло увидеть его во время схватки, да к тому же раздетым, а это очень важно. Рубашку на нем разорвали, и свет от электрической лампочки, что раскачивалась над входом в станционную развалюху, отражался на теле, пот с которого так и стекал ручьями. Казалось, он весь был облит маслом.

Во-вторых, его противника никто не посмел бы назвать слабаком. Помнится, в нем было не меньше шести футов роста, а весил он, пожалуй, побольше трехсот фунтов. Только глянешь на его рожу с лохматой черной бородой – сразу станет ясно, что такому парню сам черт не брат. Словом, этот словак был настоящим мужчиной, не спорю. Но по сравнению с Дюганом – просто ничто!

Впрочем, я не могу вот так взять и описать Слоупа. Попробуйте как-нибудь сами представить его себе, пока я буду о нем рассказывать. Он был шести футов роста, но не казался таким уж громадным, так что должен сразу предупредить: когда о нем говоришь, количество дюймов не имеет никакого значения. Если вы брались разглядывать его не торопясь и постепенно, то он смахивал на неуклюжего тяжеловоза, у которого из-под шкуры выпирали, пере-катываясь медленно, словно нехотя, огромные мускулы. Но если одним взглядом окидывали всего, с головы до ног, то вам сразу же бросалось в глаза, что на самом деле он – добрая ска-ковая лошадь, мчащаяся галопом. Когда Слоупа выводили из себя и вынуждали действовать,

он превращался в машину, наводящую ужас. Чтобы было понятно, постараюсь пояснить. Если вам приходилось видеть запущенный на полную мощность гидравлический молот и как эта громада ходит, ухаёт без остановки то вниз, то вверх, надеюсь, вы поймете, что я имею в виду, говоря о машине.

В тот вечер, о котором речь, Слоупу как раз представился случай поработать как следует. Когда словак в первый раз неожиданно набросился на него, застав врасплох, ему удалось увернуться от ответного удара Дюгана. Он навис над ним всей своей тушей и захохотал, как великан, решивший полакомиться и проглотить этого парня целиком.

Казалось, Слоуп вовсе не взбесился. Напротив, его физиономия приобрела как бы отсутствующее выражение, какое, кстати, появлялось чаще всего, словно он озабоченно размышлял о чем-то своем: нахмурил брови, глаза затуманились – ни дать ни взять застывшая статуя.

Короче, разозлившись он не выглядел, но, когда Чернобородый захохотал, просто поднял эту тушу, битком набитую подлостью, да и швырнул ее прямо в дверь станции. Правда, в этот момент Чернобородый успел изо всех сил вцепиться в рубашку Слоупа, чтобы тот не мог оторвать его от земли, да только она так и осталась у него в руках – понятное дело, вся разорванная в клочья, а сам он так и рухнул на спину.

По-моему, словак решил, что Дюгану все это удалось совершенно случайно, поэтому, встав на ноги, разразился таким жутким смехом, что у меня мурашки по спине забегали. Но когда снова уставился на противника, до него как будто дошло. Толпа, наблюдавшая, захлебываясь от восторга, эту драку, тоже все поняла. Потому что Слоуп стоял без рубашки, а увидев его мускулы в работе, уже нечего гадать о том, что там происходит у него в голове.

Чернобородый, вероятно, догадался, что ему придется иметь дело с помесью техасского мула с горным львом, где еще поучаствовали гризли. А по мне, так это самое подходящее, что может быть против всякой низости и подлости. Причем, ясное дело, главную роль в ней играет мул.

Но этот словак, или кто он там был, оказался храбрым парнем. Точно! Ощерился так, что зубы сверкнули сквозь спутанную бороду, и пошел на Слоупа. Но там, где ожидал его найти, того не оказалось – замолотил кулачищами в воздухе с приличной дистанции. Этот парень, должно быть, кое-что слышал о боксе. Да только что было пользы от этого? Бросок Дюгана оказался таким стремительным, что его не смог бы засечь и электрический таймер! Да что там! По сравнению с ним даже кошка, бросающаяся на мышшь, показалась бы черепахой. Он подскочил к Чернобородому сзади, запросто, как ребенка, оторвал от земли и снова швырнул в дверь.

Меня разобрал такой смех, что я застонал. То же самое произошло и со всей кучей зевак, потому что всем нам стало ясно: этот Слоуп о боксе и понятия не имел. Все его представление о борьбе сводилось к тому, чтобы просто поднять противника да и отбросить подальше за канаты. Понятно, конечно, что там не было никаких канатов, а Слоуп был слишком честным парнем, чтобы наброситься на лежащего. Он просто стоял себе и ждал, когда Чернобородый поднимется и снова ринется в бой.

Да, все это меня здорово насмешило, но, признаться, и разозлило. Нельзя же целый вечер просто спокойно наблюдать за подлыми трюками взбесившегося словака. Рано или поздно взорвешься, потому что иначе можно под землю провалиться от стыда!

Но вернемся к этой русской революции, у которой глаза налились кровью, а из носа кровянистая текла ручьем.

Тем временем, как я уже говорил, Слоуп стоял в ожидании и вид у него был какой-то задумчивый, видимо, потому, что ему надо было решить не одну, а сразу две проблемы. Во-первых, что делать с этой самой Россией, а во-вторых, как не дать упасть своим брюкам. Его штаны поддерживало что-то вроде приводного ремня от машины, а когда он во второй раз

поднял поляка, этот ремень с треском лопнул. И вот Дюган топтался на месте, одной рукой придерживая брюки, а другой защищая себя от града ударов Чернобородого.

Мы взвыли. Мы все так и замерли, потому что не видели выхода.

И все-таки Слоуп остановил следующую атаку. Просто встал между молотящими его кулаками, положил свою громадную ладонь на Литву и столкнул Россию задом прямо в Тихий океан, что будет вам понятно, если вы знаете, как выглядит карта мира.

Но ведь с разъяренным гризли, как известно, лаской не справишься. Чернобородый снова стал наступать. При этом страшно рычал и брызгал во все стороны кровью из бороды.

На этот раз ему удалось нанести удар. Это был настоящий, хороший удар, который пришелся Слоупу сбоку в челюсть. Я сразу зажмурился. Но не утерпел и поскорее открыл глаза, чтобы не пропустить момента, когда этот здоровенный малый пролетит по воздуху.

Но он не взлетел. Так и остался стоять на месте, вроде как малость озадаченный, одной рукой поддерживая брюки, а другой отмахиваясь от русского, который так и молотил его кулачищами. Только Слоуп отклонял их от себя вверх, как кошка подкидывает мячик, когда играет.

И все-таки невозможно одной рукой заслониться от целого града камней. Потому кулак снова проскользнул и двинул Дюгана опять же в челюсть, чуть поближе к носу.

На этот раз Слоуп осел, а Чернобородый ринулся вперед, чтобы прикончить его, рыча, как опьяневший от крови убийца.

Не следовало ему этого делать, он, видать, забыл, что находится в западных штатах. Тут вперед выступил невысокий паренек, в руке у которого блеснул синеватый ствол револьвера, и произнес:

– Ну, ты, красавчик, давай назад! Нечего налетать на лежащего.

Русский отступил и остановился, размахивая руками и что-то рыча. Я его языка не понимал, но и так все было ясно. Думаю, он требовал, чтобы Дюган принял вертикальное положение и дал себя убить.

Ну хорошо, Слоуп встал. Может, вам случалось видеть, как люди это делают, не отталкиваясь от земли руками? Некоторые такое демонстрируют специально, чтобы показать свою ловкость, но у этого парня все вышло так, как будто он всю жизнь только таким образом и поднимался.

Он стоял, все еще одной рукой поддерживая брюки, а другую руку поднял вот так, вверх ладонью, защищаясь.

– Черт бы побрал твои брюки! Давай дерись в одних подштанниках! – как сумасшедший заорал здоровенный мясник, до того он обозлился.

– Дело в том, что у меня их нет, – спокойно ответил Слоуп и повернулся к противнику.

А пока наш увалень еще разворачивался, проклятый русский, конечно, подбежал, прыгнул и с размаху трахнул его снова прямо по физиономии.

По-моему, от такого удара даже каучуковое дерево расколосось бы надвое, но, даю слово, кулак России отскочил дальше, чем голова Дюгана. Парень не упал, а просто медленно опустился на пятки.

Для меня это было уже слишком. Я нырнул между чьими-то ногами и упал на колени около него, в то время как тот, с револьвером, начал считать до десяти, размахивая пушкой.

Я приставил ладони рупором ко рту и заорал:

– Ты, недотепище несчастный, врежь ему кулаком!

– Что? – тихо спросил Слоуп, озадаченно посмотрев на меня.

– Врежь как следует! – завопил я.

– Не хочу причинять ему вреда, – проговорил Дюган.

Все слышали, как он это сказал, поэтому так и застыли, ошарашенные.

Но я прокричал ему прямо в ухо:

– Делай, что тебе говорят, идиот безмозглый!

– А, ну тогда ладно, – со вздохом согласился Слоуп и встал.

Это был не ахти какой удар. Его кулак пролетел, может, всего-то полфута, двинув Россию в живот, на уровне поясницы. Но Чернобородый моментально перекувырнулся, попробовал устоять на голове, не получилось, и с грохотом опрокинулся навзничь.

Одним словом, пришлось пригнать две вагонетки и около десятка рабочих, чтобы убрать с рельсов эти полтонны раскисшего студня.

Глава 2

После того как эта драка закончилась, я думал, Слоуп останется, чтобы выслушать наш восторженный рев, но он этого не сделал. Просто поднял с земли изодранные тряпки, в которые превратились его сюртук и рубашка, перекинул их через плечо и исчез в темноте.

Меня это потрясло. Сам я только пытался быть скромным, но из этого ничего не вышло. Каждый раз, когда случалось сделать что-нибудь выдающееся, всегда ждал похвал, а если их не было, здорово переживал. Но Слоуп просто растворился в ночи, пока ребята собирались, чтобы поздравить его и предложить ему выпивку. И конечно, им хотелось узнать его имя.

Я двинулся за ним. Когда Дюган завернул в салун, я остановился в дверях, чтобы разнюхать обстановку.

Тогда как раз мне здорово пофартило и я был при деньгах, то есть, хочу сказать, где-то за неделю до того удалось увести со стоянки два новехоньких велосипеда. На одном я поехал сам, а другой тащил на себе, и так мы отлично добрались до ближайшего городка. Там я их продал и огреб двадцать девять долларов звонкой монетой. Деньжата у меня еще оставались, но дело в том, что в этом салуне был только один выход, а я до смерти не любил такие ловушки. Я порыскал глазами, чтобы засечь железнодорожного копа, который мог зайти в харчевню, или какое-нибудь кресло, за спинкой которого можно было незаметно пробраться внутрь, но ничего такого не заметил.

За клубами дыма и пара, поднимающихся от большой закопченной плиты, где жарились гамбургеры и всякое такое, я разглядел лишь пару бродяг с кружками кофе. Больше в этой вшивой забегаловке никого и не было, если, конечно, не считать Слоупа, сидящего у стойки.

Он вынул какую-то мелочь из кармана и обратился к буфетчику:

– Не могли бы вы мне сказать, что я могу купить на пять центов?

Буфетчик на всякий случай сразу схватился за тесак, но, увидев спокойный, почтительный взгляд Слоупа и никель в его руке, ответил:

– Конечно, дружище! По-честному, за эту мелочь ты можешь получить целую буханку черствого хлеба и стакан воды.

– Большое вам спасибо, – отозвался Дюган.

Буфетчик был стреляный воробей, поэтому снова впился глазами в столь странного посетителя, но, когда понял, что этот болван не шутит, выудил из-под стойки буханку хлеба и поставил рядом с нею стакан воды.

Слоуп снова поблагодарил его и отпил немного воды, да так, словно это было вино, даже глаза прикрыл, если вы понимаете, что я имею в виду. Потом кое-как отломил краюху черствого, как камень, хлеба и засунул ее в рот. Мои челюсти прямо заболели, пока я смотрел, как он его перемалывал. Но парень, судя по всему, был терпеливым. Ничего не требовал. Просто принимал вещи такими, какими они оказывались.

– Здесь еще полно воды, дружище, если захочешь. У нас ее целая бочка, – с усмешкой заметил буфетчик.

– Вы очень добры, – проговорил Слоуп, одним глотком опустошая стакан. Потом улыбнулся, как ребенок, и добавил: – Очень вкусно, правда.

Этот вонючий скареда буфетчик опять внимательно на него посмотрел, поставил на стойку второй стакан и поинтересовался:

– И когда ты пил последний раз?

– Вчера вечером, – сообщил парень. – Нашел ручей, но вода в нем оказалась очень жесткой и соленой. Выпил совсем немного.

– Святые угодники! – воскликнул буфетчик и тут же взорвался: – А где ты был вчера вечером?

– Добирался сюда из Коулмена. Знаете такое местечко?
– Чертова дыра! – отреагировал буфетчик. – И сколько же времени ты был в пути?
– Три дня.
– Видно, шустрая у тебя кобылка, – усмехнулся буфетчик с сомнением в глазах.
– Нет, – улыбнулся Слоуп, снова принимаясь так уминать хлеб, будто это было какое-нибудь филе. – У меня нет лошади.
– Так ты ехал по железке?
– Я шел пешком, – уточнил парень.
– Дружище, так это же, хочешь не хочешь, двести сорок миль!
– Да, путь оказался довольно длинным, – кивнул Дюган. – Мои башмаки чуть совсем не развалились.

Буфетчик промолчал, усердно вытирая что-то на стойке, и только чуть погода проворчал:

– Ну, будь я проклят!

У меня самого в голове вертелось что-то в этом же роде. Двести сорок миль, и всего на одном глотке воды?

– Послушай, – заговорил наконец буфетчик. – Там по дороге за сто миль отсюда есть два дома. Ты их видел?

– О да, – откликнулся парень.

– Тогда какого же черта не попросил у них воды? Можешь сказать?

Слоуп покраснел до самых бровей и пояснил:

– Нехорошо было это делать – просить воды. Мне ведь наверняка предложили бы что-нибудь еще, понимаете?

– Что?! Промеж глаз врезали бы? – фыркнул буфетчик. – Ну ладно, я понимаю, что ты имеешь в виду. – И опять вытаращился на Дюгана, как рыба, извлеченная из воды.

В этот момент я все-таки вошел и тоже во все глаза уставился на чудака.

Завидев меня, буфетчик покачал головой:

– На сегодня все закончено. Закрываю.

– Понятно, – буркнул я.

Обернувшись ко мне, Слоуп улыбнулся.

– Рад тебя снова встретить, – проговорил он.

– Вот зашел убить двух зайцев, – откликнулся я.

– Двух зайцев? – не понял он. При этом в его тупых глазах даже не мелькнуло никакого интереса.

– Ну да, – растолковал я. – Тебя повидать и стаканчик опрокинуть.

– А, ясно, – протянул Дюган, еще больше озадачиваясь.

Я кинул взгляд на буфетчика, он – на меня. Потом я обернулся к повару у плиты и попросил:

– Дай-ка взглянуть, что за мясо ты держишь в своем холодильнике?

Повар разогнал лапищей дым и уставился на меня:

– Ты, нахальный щенок! Ну-ка, убирайся отсюда, пока я тебя не прибил!

– Все оплачу, – пообещал я, тряхнув для пущей убедительности монетами в кармане. – Или стыдно показать, что у тебя ничего там нет, кроме собачьего мяса?

Не успел и опомниться, как этот здоровенный бугай, весь, как моряк, в татуировке, протянул руку через стойку, схватил меня за шиворот и потащил в угол, там втолкнул меня, пригнув к полу, в крошечную каморку, где отовсюду капала вода.

– По-твоему, это похоже на собачье мясо? – прорычал он.

На полке лежала чуть ли не половина бычьей туши. Выглядела она нормально и ничем не пахла.

– Дружище, – пропел я, – отрежь-ка два ломтя вон от той филейной части, каждый около фута толщиной, и швырни их на плиту. Потом подай фунтов десять жареной картошки, и чего там у тебя есть еще на гарнир? Да не забудь вскипятить пару галлонов кофе. Я хочу есть.

Повар сжал мою шею так, словно хотел ее свернуть. Поэтому я добавил, ткнув большим пальцем за собственное плечо:

– У меня дружок там, за стойкой.

– Тот балбес, что отмахивает по тысяче миль в день? – с ухмылкой полюбопытствовал бугай.

– Только что видел на станции, как этот самый балбес раскидал во все стороны целую кучу русского железа, – сообщил я.

– Отмолотил поляка, что ли? – уточнил повар и тут же меня отпустил.

– Сначала швырнул его разок-другой, а потом всего один раз врезал ему кулаком. Чернобородый размазался, как кусок масла на сковородке.

Повар захохотал:

– Этот жирный боров так и искал неприятности на свою задницу. Только мне всегда казалось, что не обойтись без нескольких вагонов динамита. Лишь он сможет разорвать его на части, которые влезут в духовку. Ладно, приготовлю пару бифштексов, чтобы накормить гризли. А ты давай убирайся отсюда, иди пока поболтай там с этим «водой и хлебом»!

Я вернулся за стойку и сел слева от Слоупа, чтобы посмотреть на фингал, который он заработал от этого проклятого русского, когда тот трижды заехал ему по одному и тому же месту. Но смог разглядеть только небольшое красноватое пятно, почти без шишки, хотя очень старательно присматривался. Каучук – вот из чего был сделан этот парень, а внутри набит железом, точно вам говорю.

– Твой дружок, Рэд? – обратился ко мне буфетчик.

– Ага, – не задумываясь ответил я.

Слоуп, который уже сжевал полбуханки черствого хлеба, повернулся ко мне, улыбнулся так, что приятно было смотреть, и подтвердил:

– Конечно!

– А как тебя кличут? – поинтересовался я.

– Кличут? – в недоумении повторил он.

Я посмотрел на его поднятые брови и растерянные глаза:

– Ну да, какое у тебя прозвище, или кличка, или имя, если ты только это понимаешь?

– Ах, мое имя! – сообразил, наконец, этот тупица. – По-настоящему меня зовут Эдвард Дюган, но кажется, ты хочешь сказать, что здесь, на Западе, в большом ходу прозвища, поэтому, думаю, я должен сообщить, что недавно меня называли Слоупом.

– В самом деле?

– Да, это так.

– И как же это случилось?

– Так сказал человек, который в первый день, когда я вышел из города, проехал мимо меня на поезде. А когда на следующий день я проходил уже мимо него, он вот так ко мне и обратился: «Слоуп». Не знаю почему.

Мы с буфетчиком переглянулись.

– Может, ему показалось, что ты очень уж богатый ходок? – предположил буфетчик.

– Думаете, поэтому? Ну что ж, может быть, – согласился парень.

– Да, я думаю, именно поэтому, – вставил слово и я.

Буфетчик усмехнулся, но Дюган даже не понял моей насмешки.

Тут из облаков дыма и пара появился повар с парой тарелок, нагруженных больше некуда. Никогда раньше мне не приходилось видеть таких бифштексов – на каждой тарелке, можно сказать, лежало по быку.

Слоуп взглянул на повара и растерянно нахмурился.

– Все в порядке, приятель, – поторопился я вмешаться. – Это за мой счет.

– Ну да, я плачу.

Ах, будь оно все проклято! В этот момент я совсем забыл про его идиотскую гордость.

Дюган стал красным как свекла.

– Очень тебе благодарен, – процедил он сквозь зубы. – Но я в самом деле не могу этого принять. Мне вполне достаточно хлеба.

Я весь покрылся потом и с надеждой взглянул на болвана буфетчика, но тот и не думал прийти на помощь.

И тут меня осенило!

– Послушай, Слоуп. Сделай небольшое одолжение, – попросил я. – Этот ненормальный повар ошибся. Почему-то решил, что я заказал два бифштекса, а теперь, если я не заплачу за оба куска, хозяин уволит этого олуха. Ты же не хочешь, чтобы он из-за тебя потерял работу, верно? А одному мне, ну хоть тресни, не съесть больше половины этого окорока!

Парень посмотрел на меня, потом на мясо. Затем закусил губу и снова уставился на меня, в глазах его читалась мольба, чтобы я был с ним честным.

– Это действительно так? – спросил он.

– Конечно! – заверил я. – Только и забочусь, что об этом болване поваре. Не очень-то он толковый, да не хочется, чтобы потерял работу.

Повар слышал каждое мое слово, и я ждал, что он запустит в меня кастрюлей. Но тот сдержал себя, поэтому Слоуп мне поверил и бросился в атаку на здоровенный ломоть мяса.

Глава 3

Разумеется, мне встречались голодные мужчины, наконец-то дорвавшиеся до еды, а еще такие, которые прямо-таки гордились тем, сколько могут съесть за один присест. Но никто из них и в подметки не годился Слоупу.

Он в два счета расправился со своим кусищем. Когда его лицо скрылось за чашкой с кофе, я потихоньку отхватил половину моего ломтя и подсунул ему на тарелку. И парень ничего не заметил! Продолжил как ни в чем не бывало пить кофе, есть мясо, хрустеть картофелем. Скоро в его здоровенной глотке исчезло все, кроме кусочка яблочного пирога.

Когда с едой было покончено, я спросил счет и с удивлением увидел, что он всего лишь на двадцать пять центов.

Не решившись поднимать шум при Слоупе, я подошел к повару и осведомился:

– В чем дело, шеф? Мне не трудно заплатить за всю ту бычью тушу...

– Заткнись! – огрызнулся повар. – Тебе не за что платить. А вот я хотел бы купить билет на то представление на станции.

– Твой босс вышвырнет тебя отсюда вместе с твоей красной рожей, – пообещал я.

– Ах ты, тупой недоносок! – рявкнул повар. – Я сам себе хозяин. Это заведение принадлежит мне.

Отдав ему двадцать пять центов, я толкнул другую такую же монету по стойке буфетчику, но он схватил ее и бросил мне обратно.

Так уж оно повелось на Западе между настоящими мужчинами. Если ты им покажешься, они раскрывают свои кошельки, и тогда уж к черту все церемонии!

Я вышел на улицу вместе с мистером Эдвардом Дюганом.

– Доброй ночи, – произнес он, – и благодарю тебя за ошибку повара. Не часто мне приходилось так плотно и вкусно поесть.

– Да уж, похоже, последнее время ты не много работал ножом и вилкой.

– Не ел, хочешь ты сказать? – опять уточнил он.

Я чуть не рассмеялся ему в лицо.

– Верно, именно это и хотел сказать.

– Да, – признался Слоуп. – Последние три дня я не ел.

– Ничего – за целых три дня?!

– Ничего, – подтвердил он. – Ну, еще раз до свидания, Рэд. Мне очень повезло, что я тебя встретил. А еще должен поблагодарить тебя за совет, который ты мне дал там, на станции. Правда, надеюсь, что тот человек не очень пострадал.

– Нет, не очень, всего лишь полностью вышел из строя. Думаю, его пришлось с головы до ног заковать в гипс.

Я смотрел на Слоупа, пытался понять, что он за человек, и никак не мог. Надо же, тащился пешком целых три дня, всего раз за это время глотнул воды, а потом с ходу размазал по земле здоровенного быка. Ну, что вы на это скажете?

Я видел перед собой чемпиона мира по борьбе в тяжелом весе, видел его вроде как бы в электрическом сиянии славы и не мог промолвить ни слова.

Он протянул руку. Я взял ее и, не выпуская, спросил:

– Куда ты теперь, Слоуп?

– Вон туда, – показал он, протянув свободную руку вверх.

– Это что же? На одну из звезд?

Парень улыбнулся. Улыбка у него была совсем детская.

– Пойду к перевалу между вон теми высокими горами, – пояснил он.

До перевала было около восьмидесяти миль. Неужели для него такое расстояние как раз плюнуть?

– Почему ты не остановишься на ночь, чтобы поспать?

– О да, – ответил он. – Конечно, я устроюсь где-нибудь на ночлег. В это время года ночи очень теплые.

– Послушай, а почему бы тебе не пойти в мою комнату в гостинице и не переночевать там? – предложил я.

– Переночевать в гостинице? Но я не могу заплатить за себя и даже не мог мечтать...

– Дело вот в чем, как раз сейчас моего приятеля нет в городе, – с ходу соврал я. – И его большая постель только зря простаивает. Кроме того, мне ужасно одиноко.

– В самом деле? – закусил он губу, пытаясь вникнуть в ситуацию, однако со своими способностями далеко не продвинулся.

– Да, боюсь темноты, вот в чем проблема.

Я ожидал, что Слоуп расхохочется, но он и не подумал смеяться.

– Помню, у моего брата в твоем возрасте были те же проблемы, – отреагировал этот увалень. – Конечно, если дело обстоит так, я с радостью пойду с тобой. Одна мысль о настоящей кровати... действительно...

На этот раз он засмеялся, глуповато и застенчиво, и мы двинулись с ним вперед.

Честно говоря, я понятия не имел, была ли в этом городишке гостиница, но довольно скоро на углу улицы заметил нужную вывеску и у самых дверей отеля остановил Слоупа:

– Подожди здесь минуту и внимательно посмотри вон на ту вывеску, над кузнечной мастерской через улицу. Я расскажу тебе о ней целую историю.

Потом один вошел в вестибюль и, приблизившись к стойке, спросил у клерка комнату на двоих.

– Для кого? – поинтересовался он.

– Для меня и моего товарища.

– Какую комнату?

– Спальню, болван, – разозлился я в основном из-за того, как он рассматривал мою одежду.

Клерк перегнулся через стойку, но я быстренько отступил на шаг.

– Мне кажется... – начал он.

– Сколько стоит комната? – задал я вопрос.

– Всего доллар и семьдесят пять центов.

В то время это была довольно порядочная цена, но я безропотно выложил деньги и записался в регистрационной книге как Уильям Вэнс, затем вышел и нашел Слоупа послушно стоящим на том самом месте, где я его оставил.

Глянув на его приветливое лицо, широкие плечи и спокойные, терпеливые глаза, я вдруг почувствовал, что меня пронзила жалость, сердце прямо-таки защемило. Захотелось хоть как-то о нем позаботиться, только я не знал, как к этому подступиться.

– Я изучил эту вывеску, Рэд, – доложил он.

– Ну вот, завтра, когда будет светло, если вновь на нее помотришь, то как раз в середине буквы «Б» увидишь дырочку не больше дюйма. Эту пулю выпустили от бедра из кольта за целый квартал отсюда и таким образом выиграла пари в целых пять сотен долларов!

– Ну и ну! – удивился Дюган. – Просто поразительно. Я должен записать это в моем дневнике.

Он заглотнул придуманную мою чепуху, словно так и надо.

– Ты что, в самом деле ведешь дневник? – любопытствовал я, когда мы двинулись к отелю.

– Да, чтобы иметь возможность рассказать в письмах папе и маме обо всем самом интересном.

Пока этот идиотский клерк с подозрением разглядывал рваную одежду нового постояльца, я стоял рядом и пытался представить себе, что должны думать предки Дюгана о своем сыне, который за три дня отмахивает двести пятьдесят миль всего лишь с одним глотком воды на пустой желудок. Наверное, никакой фантазии не хватит вообразить, что он там пишет домой!

Наконец мы поднялись наверх в комнату, которая оказалась довольно приличной – две кровати, умывальник и все такое.

Слоуп разделся и устроил себе настоящую баню – терся мокрой губкой до тех пор, пока чуть не содрал с себя кожу. Затем вытерся и объявил, что должен сделать записи за минувший день. С этими словами уселся на кровати, скрестив ноги, а я растянулся на моей койке и стал за ним наблюдать.

Это было забавное зрелище. Великан нахмурил брови, склонил голову набок и, шевеля губами, как делающий уроки мальчишка, принялся шептать по буквам слова, которые записывал.

Время от времени, размышляя, он смотрел будто сквозь меня, но один раз все-таки заметил, потому что вынырнул из тумана своих мыслей, и спросил:

– Замечательно уютно, правда, Рэд?

– Да уж, неплохо, – отозвался я.

Слоуп еще долго прижимал карандаш к листку своей записной книжки, но потом начал заметно клевать носом. А вскоре медленно сполз на подушку и заснул.

Я встал, чтобы погасить свет, но сначала заглянул через его плечо в отчет о тяжелом переходе через пустыню и о схватке на станции. И вот что прочел:

«Прибыл в городок. В пути встретил удивительно ручных кроликов. Один некоторое время скакал вперед, держась прямо передо мной. Откуда он знает, что у меня нет ружья? Неловкий случай на станции с сюртуком, но дырку можно будет зашить.

Встретил Уильяма Вэнса и слушал необыкновенный диалект этих мест.

Быстрые голубые глаза. Рыжие волосы, стоящие дыбом на макушке. Грубоватые, но дружелюбные манеры. Восхитительно...»

На этом запись обрывалась.

А где же пустыня с ее палящим солнцем? Я спрашиваю вас, где борьба? Где описание жестоких страданий от голода?

Глава 4

Прежде чем лечь, я осмотрел башмаки Слоупа. Подошвы протерлись до дыр. Но не может же этот великан ходить босиком. Поэтому я задумался, как достать для него башмаки, которые подойдут ему по размеру. С этой мыслью и заснул.

Во сне я увидел состязание по борьбе в тяжелом весе на звание чемпиона мира и конечно же болел за Слоупа. В газетах обо мне писали как о его менеджере, и я носил в галстукке булавку с бриллиантом, огромным, как ноготь на большом пальце. Я стоял недалеко от того угла, где сидел Слоуп, а напротив него развалился на стуле Демон, чью фамилию во сне разобрать мне не удалось. Перед самым гонгом я подошел поближе к Дюгану и сказал ему:

– Выходи и дай этому быку побить тебя пару раз!

– Побить себя? – переспросил Слоуп, моргая.

– Избить! – уточнил я, топая ногами от нетерпения. – Выходи и дай ему врезать тебе пару раз, и пусть его грязное сердце разорвется от злости, когда он увидит, что не может и следа оставить на твоём теле. Потом входи в клинч, как я тебя учил, и пусть его кулачищи соскользнут с твоей стальной башки. Держись к нему ближе, тогда ты разорвешь его на части.

Вот что я сказал ему во сне, так все и произошло. Спустя каких-нибудь пару минут Демон перелетел через канаты и шлепнулся прямо на шляпы целой кучи репортеров, а в центре ринга стоял Слоуп, который завоевал не что-нибудь, а звание чемпиона мира и не знал, что с ним делать.

Довольно скоро я сообразил, что, пока руковожу чемпионом мира, мне стоит отложить денегат и вернуться в школу, чтобы и самому кое-чего добиться. И только я додумался до такого благого намерения, как проснулся. Оказывается, за окном уже засиял розовый рассвет. Я посмотрел на Слоупа и увидел, что он так и лежит, как сполз накануне, когда делал записи в дневнике. У него не было сил даже перевернуться.

Я рассудил, что парень, пожалуй, пробудет в отключке еще пару часов, поэтому оделся, скатился по лестнице и нашел негра, который убирался в гостинице. Меня интересовало, где продаются поношенные вещи, есть ли какая-нибудь лавка, уже открытая в этот ранний час. Негр ответил, что еще ничего не работает, но как раз на нашей улице находится лавка Бена Силла, Бен там и спит в задней комнате и встанет хоть в полночь, чтобы поторговаться из-за кулька булавок.

В общем, нашел я это место. А когда толкнул дверь, оказалось, что Бен Силл уже встал.

Я показал ему один из башмаков Слоупа. Он сказал, что может подобрать такие, и подобрал.

У него на полках рядами стояли сотни пар разной обуви, и меня поразило, как все они были мало ношены. Я так и не понял, как такие вещи попадают в секонд-хэнд. Вроде бы никто не выбрасывает и не продает свои башмаки, но так или иначе, вот вам пожалуйста, их была полная лавка!

Я выбрал довольно крепкую пару с каблуками, подбитыми большими гвоздями, и подошвами чуть ли не в полдюйма толщиной, потому что, когда этот пеший кретин потащится дальше через всю страну, ему неплохо бы иметь что-нибудь такое, что не сразу развалится.

Потом я вернулся в гостиницу. Солнце только что встало. Великан Слоуп сидел на кровати и потягивался.

И какие же у него были руки! Просто какая-то смесь кошачьей лапы с коромыслом!

Я сразу закричал:

– Привет, Слоуп! Посмотри, что они наделали! – и показал ему башмаки.

– Что это? – вроде как бы испуганно удивился он.

– Они взяли да и спутали твои башмаки с ботинками какого-то типа, который уехал сегодня самым первым поездом. Наверное, прихватил их с собой в сумке. Пожалуй, тебе стоит набить морду тому негру, который все перепутал!

– Это очень плохо, – отозвался Дюган. – Мои ботинки, ты знаешь, были не в очень хорошем состоянии. Мы должны выяснить имя того человека и...

– Мы не сможем этого сделать, – возразил я. – Это какой-то преступник, который записался под чужим именем. Узнав об этом, хозяин гостиницы потребовал, чтобы тот убирался вон, поэтому-то он и уехал так рано утром.

– Это усложняет дело, – констатировал Слоуп.

– Ага, теперь не разберешься, – подтвердил я.

– Просто не знаю, как быть, – вздохнул парень. – Придется оставить эти башмаки здесь, чтобы он мог их получить, когда вернется.

– Никогда он не вернется, – разозлился я, думая про два доллара и четырнадцать центов, которые заплатил за эту пару. – И ты тоже не можешь идти босиком. Этого негра тут же уволят, если ты выйдешь в одних носках, ведь хозяин тут же станет задавать всякие вопросы.

Слоуп покачал головой и признался:

– Кажется, я совершенно запутался.

– Тут запутаешься! – подхватил я. – Остается единственный выход.

– Какой же? – поинтересовался он.

– Надеть эти башмаки и носить их, а когда тебе повезет с деньгами, отдать пару хороших ботинок какому-нибудь бедолаге, который в них нуждается.

Великан немного подумал и вдруг просиял.

– Это очень привлекательная мысль, Рэд, – одобрил он. – Или мне лучше звать тебя Уильямом?

– С какой это стати?

– Но ты же написал это имя в регистрационной книге! – напомнил Слоуп.

Я чуть не поперхнулся.

– О! Меня так давно зовут Рэдом, что и не знаю, смогу ли я отзываться на Уильяма.

– В любом случае, – заявил парень, – не вижу, что можно сделать другое, кроме как последовать твоему совету.

– Верно, и давай поторопись! – подтолкнул его я. – Мы уже опаздываем на завтрак, а, могу поспорить, аппетит у тебя есть.

– Да, – кивнул он, и тут его улыбка пропала. – Послушай, Рэд, дело в том, что мне хотелось бы с тобой позавтракать, но ты и так уже слишком много для меня сделал. Я просто не могу принять...

– Эй, о чем это ты? – возмутился я. – Эта гостиница с пансионом, понимаешь? Здесь такой порядок. Если не съесть один из завтраков, он просто пропадет. Мы с моим товарищем за все заплатили вперед.

Он потер подбородок и обдумал сказанное. Наконец неуверенно признал, что, кажется, все правильно. Потом заявил, что ему очень везет в моей компании, встал, побрился, очень тщательно вымылся и оделся. Похоже, что мытье для него значило очень многое.

Вообще-то хорошая баня – вещь неплохая, но лично я никогда не использую в больших количествах мыло и мочалку. Не знаю, наверное, у меня слишком нежная кожа.

Итак, мы скатились в столовую, я нашел негра-официанта, стоящего в углу, и попросил его зажарить нам по полдюжине яиц на каждого и отрезать по два ломтя бекона. Мне хотелось, чтобы Слоуп продолжил свой поход, предварительно как следует набив желудок.

Он слегка удивился, увидев, как стол начал заполняться тарелками, но я серьезно его предупредил:

– Эта гостиница обычно обслуживает старателей и дровосеков. Там, в горах, они не очень-то хорошо едят, поэтому, когда спускаются сюда, предпочитают наедаться вволю.

– А вон тот парень в углу, кажется, ест яичницу всего из двух яиц, – заметил Дюган.

– Конечно, – продолжил я вдохновенно сочинять дальше. – Здесь проживают несколько бедняков, которые снимают дешевые комнаты, у них и еда подешевле.

Принявшись за яичницу, парень задал новый вопрос:

– Я не хочу вмешиваться в твои дела, Рэд, но могу я спросить тебя о твоём друге, с которым ты здесь остановился?

– Его имя Бендерберг, – немедленно сообщил я. – Юлиус П. Бендерберг из Акрона, штата Огайо.

– Вот как? – улыбнулся Слоуп, проявляя неподдельный интерес.

– Ага! Его папаша был немцем, а мать – француженкой. Вообще-то его фамилия пишется Бундерберг, через «у», как в слове «глупый». Но оказалось, что очень много народу неправильно ее произносили, поэтому он изменил в ней одну букву, понимаешь?

Он немного помолчал, обдумывая это, потом не очень уверенно кивнул:

– Позволю себе предположить, что он хозяин ранчо или что-то в этом роде, да, Рэд?

– Нет, – отрезал я. – Он с давних пор занимается горным делом. Рудники, лесопромышленность или что-то еще такое.

– Вот как? Значит, он очень богатый человек?

– Богатый? Да я сам видел, как он прикуривает сигару от двадцатидолларовой бумажки!

– О! Какая бессмысленная трата! – изумился Слоуп.

– Верно. Правда, в тот вечер был в стельку, – сообщил я.

– В стельку? – переспросил великан.

– Надрался, я хочу сказать, надрызгался, языком не ворочал, по уши налился...

– Надрался... надрызгался... не ворочал языком, – пробормотал он.

– Напился пьяным, – добавил я.

– А, вот в чем дело, он был пьяным, – уяснил Дюган.

– Ты сам-то когда-нибудь опрокидывал? – спросил я.

– Опрокидывал? – произнес он вежливо, но растерянно.

– Ну да. Когда-нибудь закладывал за воротник, ну хоть вечером в субботу? Напился сам-то? Бывал пьяным?

– Наверное, никогда, – ответил парень. – Однажды у меня немного кружилась голова, и все же не думаю, что это было...

– Нет, не то! – отрезал я. – Головокружение даже рядом не стояло с настоящей пьянкой, когда натыкаешься на каждый угол, а они торчат отовсюду, и не видишь, что там вдали...

– Не очень хорошо себе это представляю, – протянул Слоуп.

– Скорее всего, так оно и есть, – согласился я. – Но давай оставим Бендерберга в покое, лучше расскажи-ка мне что-нибудь о себе, старина, почему ты идешь, откуда и куда?

Он старательно рассортировал вопросы.

– Я покинул Бостон два месяца назад...

– Каким поездом? Через Чикаго?

– Нет, не поездом, а пешком.

– И всю дорогу шел пешком?!

– Ну да.

Я откинулся на спинку стула и внимательно поглядел на него. С сотворения мира еще не бывало такого ходока, который обошел весь свет на своих двоих!

Глава 5

Ну что делать с человеком, для которого прошагать через всю страну с Востока на Запад все равно что для нас с вами перейти улицу?! Только и остается ждать и надеяться, что когда-нибудь сбудется тот мой сон.

Поэтому я просто полюбопытствовал:

– Слушай, Слоуп, и что же тебя заставило это проделать?

– О, это целая история, – загадочно улыбнулся он.

– Так расскажи мне ее.

– Это началось довольно необычно, – сообщил он. – С золотого прииска.

– Верно, – вставил я. – С чего начинается целая куча разных историй, да частенько на нем и заканчивается.

– Так вот, – продолжил парень, – когда мой отец оставил юридическую практику, большую часть заработанных денег он вложил в акции одного рудника, которые ему продал некий мистер Генри Кристиан.

Имя-то я услышал, только не сразу сообразил, кто этот тип, хотя у меня так и зачесалось в затылке. Но, догадавшись, закричал:

– Постой-ка! Будь я проклят, если ты говоришь не про Бонанзу Криса!

– Про Бонанзу Криса? – захопал он ресницами.

– Ну ладно, не важно, – отмахнулся я. – Валяй дальше! Значит, твой старик купил кучу акций этого рудника, а потом встал вопрос, где же находится сам рудник, верно?

– Не совсем так, – поправил меня Слоуп. – Просто оказалось, что золото там иссякло и эти акции фактически ничего не стоят. И следовательно, вышло так, что это было исключительно неудачным вложением капитала.

– Ну, коли ты заговорил о неудачном вложении капитала, – не утерпел я, – это только подтверждает, что здесь приложил руку Бонанза Крис.

– В самом деле? – уставился на меня этот тупица.

– Точно. Продолжай!

– Из всего рудника только один участок чего-то стоил, а отец как раз купил довольно много акций этого участка. Он называется Кристабель.

– Ясно, – стиснул я зубы. – Бонанза всегда и всюду норовит впихнуть часть своего имени. Похоже, и тут не обошлось без его проделок, помяни мое слово.

– Кажется, были какие-то деньги, причитающиеся по другим акциям, и отец выкупил весь участок Кристабель.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался я. – Почему ты так думаешь?

– Как же, ведь мы получили письмо от мистера Кристиана. Он написал, что очень сожалеет о нашей неудаче с другими участками, в которые отец вложил деньги, и хотел бы помочь нам хотя бы в одном случае. Сообщил, что реорганизовал свою компанию и хочет снова попробовать разработать Кристабель. Предложил заплатить нам полторы тысячи долларов за наши акции в Кристабеле, хотя пока тот участок не подает реальной надежды.

– Мистер Кристиан предложил вам деньги или новые акции? – уточнил я.

– Он предложил в два раза больше акций других своих предприятий. Но мы подумали, что, наверное, лучше взять полторы тысячи долларов, – пояснил этот идиот.

– Можешь быть уверен, что это лучше, – поддержал его я. – Давай дальше. И сколько же твой старик вбухал в компанию Кристиана?

– Вбухал? – переспросил Слоуп.

– Ну да, сколько вложил?

– Около двухсот пятидесяти тысяч долларов.

Для меня это было прямо как удар. Но потом я сообразил, что чем большего простака находил Бонанза Крис, тем глубже подцеплял его на крючок, это же ясно как день.

– Да, здоровая куча деньжищ, – проговорил я.

– Так и есть, – подтвердил бедняга Слоуп. – А у меня был особый интерес к этим деньгам, потому что оказалось, они должны были принадлежать мне.

– Вот как? – удивился я.

– Ну да. Вскоре после того, как отец отошел от дел, он собрал всю семью и сообщил, что все свое состояние разделил поровну между нами. Оставил акций на сумму около полу-миллиона себе и моей мачехе, а моим единокровным брату с сестрой и мне выделил по двести пятьдесят тысяч.

– Отлично, Слоуп, – сказал я. – Выходит, ты богач!

– Только на первый взгляд, – озабоченно посетовал Слоуп. – Тогда мне тоже так показалось. Однако скоро ты поймешь, что я не так богат, как ты думаешь. Потому что отец переписал на меня акции рудника, которые оказались ничего не стоящими.

У меня прямо волосы встали дыбом, а тело с головы до ног покрылось гусиной кожей.

– Вот так мне не повезло! – заключил парень, качая своей честной башкой и слегка улыбаясь.

– Не повезло?! – завопил я. – Ну ладно, положим, это была просто неудача, хорошо! И все же можно мне спросить тебя кое о чем?

– О! – вежливо откликнулся он. – Ты проявляешь такой интерес, Рэд, кроме того, с тобой мне, наоборот, очень повезло, так что будет даже приятно все это обсудить с тобой.

– В самом деле? – хмыкнул я. – Ну, тогда скажи, эта твоя мачеха, что она собой представляет?

– О, она очень красивая, – ответил великан.

– Уверен, конечно же она настоящая красотка и все такое. Но ты можешь мне сказать, когда она подцепила твоего отца?

– Ты хочешь узнать, когда он на ней женился? Разумеется, я могу тебе это сообщить. Моя мама умерла при родах, а мой бедный отец, оставшись с младенцем на руках, почувствовал себя совершенно беспомощным. Но поскольку он был скорее деловым человеком, чем семейным, то стал искать выход. И нашел его, тут же женившись во второй раз, чтобы я не создавал ему массу проблем.

– Ручаюсь, твоя мачеха просто спасла его, – съехидничал я.

– Естественно, – спокойно отреагировал Слоуп, – он не смог бы обойтись без нее.

– А сколько лет твоим брату и сестре?

– Они ровно на полтора года моложе меня.

– И почему же они с тобой не ладили?

– Не ладили?

– Ну, почему они на тебя злились? – перевел я.

– Сожалею, что я и об этом тебе сказал, – нахмурился он и покачал головой. – Я не хотел заходить так далеко. Но дело в том, что они очень умные и сообразительные, как их мать. Им было просто трудно ужиться со мной. Возможно, ты смог заметить, что я не очень-то сообразительный... – посмотрел он на меня вроде как с надеждой.

Я взглянул ему прямо в глаза и твердо произнес:

– Нет. Вовсе ничего такого не заметил. Наоборот, мне показалось, что ты поумнее некоторых.

Это было здорово – увидеть, как на его лице сразу же расцвела улыбка. Дюган выпрямился на стуле. Немного покраснел и проговорил:

– Кажется, между нами есть что-то общее.

– Будь уверен, это так и есть, – подтвердил я.

– Возможно, ты не очень силен в некоторых вещах, – застенчиво предположил он. – Я имею в виду, например, занятия в школе.

– В школе я всегда был самым бестолковым. – Говоря это, я вовсе не хотел, черт побери, вытянуть из него признание.

– Ну вот, – доложил Слоуп, – и я тоже. Экзамены мне удавалось сдавать довольно хорошо, но в течение семестра я постоянно отставал от класса, и намного. Бывало, даже очень раздражал учителей, а поэтому не видел ничего странного в том, что и мачеха сердилась. Ведь ей приходилось видеть меня почти каждый день, за исключением того времени, когда я жил в школе-интернате.

– И она часто тебя туда отправляла, так? – полюбопытствовал я.

– Практически я почти и не был дома, – кивнул он, простодушный, как птичка.

Нет, не знаю, как там у него складывалось в школе, но в жизни помножить два на два для Дюгана было непосильной задачей.

– Да, плохо, конечно, что она так тебя ненавидела, – подытожил я.

– О, вовсе нет, не ненавидела! – заспорил он. – Мне не хотелось бы, чтобы ты так о ней думал. Дело в том, что она даже плакала, когда я отправлялся в это путешествие. Сказала мне, что очень переживает из-за того, что деньги, которые я должен был получить, все пропали, или почти все, за исключением тысячи пятисот долларов.

– Ну да, наверное, это просто убивало ее, – поддел я его.

– Да, конечно, – воспринял он мои слова совершенно прямолинейно. – У нее очень доброе сердце. Я был потрясен тем, как глубоко она может чувствовать.

– Она знала, что ты собираешься идти на Запад?

– О да, конечно.

– Небось так тебя жалела, что предложила купить билет на поезд?

– Вообще-то нет, не предложила. Но ведь я и не попросил. Иначе, разумеется, сразу же дала бы мне денег.

– Понятно, – начал я сердиться. – И твой братец тоже забыл что-нибудь предложить?

– Почему же? Рональд упомянул об этом, когда мы прощались. Он тоже был очень расстроен. Я и не думал, что брат так меня любит. Но как раз в это время у него не было свободных денег, а его кредит в банке был уже превышен.

– Уверен, что так оно и было на самом деле.

– Ничего странного. Со мной часто происходило то же самое, – не согласился со мною Слоуп.

Я только вздохнул. У меня не хватало сил, чтобы высказать все, что лезло на язык.

– И все-таки, зачем же ты отправился на Запад? – сменил я тему.

– Ну, для делового человека самое правильное – лично присматривать за своим состоянием, ты согласен?

– Да. Думаю, это лучше всего.

– А единственное, что у меня есть, – это акции Кристабеля. Поэтому я ушел из дома и направился в Кристабель. Вот завтра уже буду там.

Дюган откинулся назад, держа в громадной ладони четвертую чашку кофе. Завтрак, который по силам было съесть только мировому рекордсмену, уже уютно устроился в его желудке. Он улыбнулся мне, довольный, как щенок, что ему так просто и ясно удалось обрисовать мне свое положение и намерения.

А я? Ну, я-то представлял себе, как он идет один против самого Бонанзы Криса, отпетого жулика и хитрого дельца. От этого у меня слегка помутилось в голове. Я не знал, что сказать, не знал, что думать.

– Одно ясно, – промолвил наконец. – Бонанза Крис что-то нашел в Кристабеле, иначе никогда бы не предложил наличные за твои акции. Ты имеешь контрольный пакет акций в этой земляной яме?

– Да, – подтвердил щенок.

– Тогда, пожалуй, имело смысл тащиться сюда через всю страну, – признал я. – Но когда ты свалишься на старину Бонанзу, предупреждаю, он покажется тебе довольно колючим.

– Колючим?

Я понял, что Слоупу бесполезно все это объяснять, и предложил другую идею:

– Бендерберг не вернется еще несколько дней. Если ты не возражаешь, я могу пойти с тобой в Кристабель.

– Ты?! – закричал он, пораженный.

– Ага. Мне не повредит небольшой моцион.

– Верно, – обрадовался парень. Глаза у него засияли. – Ходьба пешком – прекрасный моцион. И это будет просто замечательно – иметь в пути товарища, Рэд!

Глава 6

Что и говорить, моцион оказался великолепным! До долины Потс, недалеко от которой находился Кристабель, мы дошли за два дня. А это – всего сто миль.

Я имею в виду, сто миль по горам. Слоуп обожал горы. Вверх он шел быстрее, чем вниз. Когда же оказывался на настоящем высоком утесе, превращался в какого-то горного козла, который знай себе скакал с камня на камень.

Уже через час после старта мои ноги начали просто отваливаться. Мне все время приходилось бежать за моим спутником, из-за чего ему понадобилось сократить его огромные шаги по меньшей мере наполовину. Только благодаря этому нам удалось идти рядом. Прежде я никогда столько не ходил, даже если у меня на хвосте висели копы. Да и с тех пор мне больше не доводилось столько пройти, как тогда с ним. И должен сказать, не собираюсь. Я вполне могу успокоиться на том рекорде, который установил во время перехода к долине Потс.

И все-таки, когда мы, наконец, добрались до перевала, было совсем не так уж плохо. Там, наверху, росли высоченные сосны, и, чувствуя, как пропахший ими воздух, наверное самый чистый в мире, наполняет мои легкие, я свернул цыгарку, блаженно затянулся и посмотрел вниз на долину.

Вы, наверное, знаете, как выглядит местность после набега старателей – склоны холмов повсюду разрыты, старые кости гор торчат наружу там, где раньше был зеленый покров. С тех пор как несколько лет назад старый Том Потс нашел в этих местах золото, здесь повсюду появилось полным-полно рвов и настоящих глубоких шахт. Сам Потсвилл располагался в долине, в центре гор, которые теснились вокруг него со всех сторон, и с этой дистанции даже выглядел похожим на настоящий город. Две дороги из него вели к вагонеточным путям, и сквозь этот чистый горный воздух я смог разглядеть две группы грузовиков, которые работали внизу у извилины и уклонов дороги. Были видны большие крытые вагонетки и облака тонкой пыли позади них. Можно было даже слышать скрип колес этих раскачивающихся вагонеток и проклятия погонщиков мулов, которые двигались вдоль путей.

– Не так уж здесь плохо, – с облегчением вздохнул я, удобно усевшись в развилке между корнями дерева, которые высунули свои колени из-под земли.

– Плохо? – медленно повторил Слоуп и вытер лоб ладонью. – О нет, Рэд! Мне хотелось бы раствориться, слиться с этим видом, с этими окрестностями и всю мою жизнь, день за днем, уходить все глубже и глубже, в более величественные горы, подниматься все выше и выше, к более надменным вершинам. Может, это и глупо, Рэд, но мне кажется, что душа очищается в голубом воздухе этих гор. Жизнь уже не представляется душной и угрюмой, Рэд, когда видишь эти снега. Да, и можешь дотронуться до них, если захочешь!

Я даже сморгнул пару раз, пока слушал, как он распространялся насчет всего этого. Для меня это было что-то новое в нем. Я начинал догадываться, что в нем было больше от книги, чем просто обложка и заглавие. И оказался прав. Во всяком случае, я сказал себе, может, он не так уж и глуп, просто другой, не похожий на всех.

– Ты, наверное, хотел бы подобраться поближе к той картинке со снегом, о которой толкуешь, верно? – поинтересовался я.

– Поближе? Конечно хотел бы.

– Тогда иди один, – заявил я. – С меня хватит этой прогулки в два дня. А я засушу на память весь этот поход по горам и, пожалуй, лучше займусь чтением книг и разными там описаниями природы. Черт меня побери, если в этом нет чего-то такого!

Дюган беспомощно посмотрел на меня:

– Я не очень тебя понял, Рэд. За исключением того, что ты очень устал. Боюсь, я был совсем бестолковым, когда вынуждал тебя идти так же быстро, как хожу сам.

Совсем забыл, что у тебя не такие длинные, как у меня, ноги.

– Дело не в длине ног, – возразил я. – Возьми антилопу, у нее же не длинные ноги, так же как и у горного козла. Но они ходоки, прирожденные ходоки, понимаешь?

– Да, это правда, – согласился он, не заметив ничего относящегося к себе в том, что я говорил. – Даже скаковая лошадь, я заметил, ниже, чем остальные. Но мы отдохнем здесь, Рэд, сколько захочешь. И давай с этого момента ты будешь ведущим.

Но я отдыхал недолго. В конце концов, это был уже спуск, да и пришвартовались мы уже почти у Потсвилла, так что в сумерках благополучно добрались до гостиницы.

Этот идиот попрощался со мной у ее дверей, заявив, что зайдет за мной утром.

Я растерялся. И слишком устал, чтобы быстро сочинить какую-нибудь подходящую небылицу, не посмел предложить ему денег. Черт бы побрал его гордость! Просто сказал:

– Послушай, Слоуп. Оставайся здесь со мной, ладно? А потом отдашь мне деньги. Ты ведь можешь сорвать куш на одной из своих акций, тогда и вернешь долг.

Он обдумал это, но я видел, что ему требовалось еще что-нибудь поубедительнее. И все-таки мне удалось доказать этому гордецу, что теперь он очень близок к своей собственности, так что даже банк даст ему кредит, поэтому будет правильно, если он позволит мне оплатить наш ночлег.

Тогда Дюган выяснил, сколько стоит номер, сел и написал бумажку, в которой говорилось, что он, Эдвард Дюган, в такой-то день получил три доллара и двадцать пять центов от...

– Ты не назвал мне своего настоящего имени, Рэд, – споткнулся он на этом месте.

Я уже давно решил держать мое настоящее имя в тайне, но теперь, посмотрев на улыбочивое лицо и добрые, доверчивые глаза Слоупа, на минуту вытащил его наружу.

– По-настоящему меня зовут Чарльз Лафарг, – сообщил я и, прикрыв глаза, увидел целый ряд местечек, где разыскивался человек с таким именем, и лица некоторых их жителей, которым он был позарез нужен. Но надо же, вдруг взял да и выдал мой секрет!

Дюган меня поблагодарил.

– Я знаю, – сказал он, – что ты предпочитаешь пользоваться, так сказать, прозвищем. Разумеется, правда останется между нами.

Мне этого было достаточно. Почему-то я твердо знал, что мое настоящее имя не вырвешь из Слоупа ни динамитом, ни киркой, ни лопатой. Такой уж он был. Лучше, чем самый надежный банковский сейф.

Так или иначе, но я получил его расписку, должным образом подписанную и в которой говорилось, что через тридцать дней без отсрочки Эдвард Дюган вернет мне три доллара и двадцать пять центов.

У меня долго хранилась эта расписка с его подписью и все такое. Я держал ее в пластиковой обертке, чтобы она не испортилась от дождя.

В голове у меня был какой-то туман. Вспоминаю, словно это было во сне, наш ужин в тот вечер и как я добрался до постели. Помню, два каких-то парня откупоривали бутылки с шампанским. После того как пробки выстрелили, все пошло по заведенному правилу, включая китайца, который подтирал кровь на полу.

Но я был слишком сонным, чтобы обратить внимание даже на убийство, и, когда среди ночи городок проснулся, начал выть и орать, это тоже прошло мимо меня.

Важно то, что я поднимался по лестнице, повиснув на руке Слоупа. Он притащил меня в номер и засунул в постель. Следующее, что я четко и ясно помню, – это стук в дверь, затем Дюгана, который открыл ее, и себя, сажающегося на кровати в розовом свете раннего утра.

Дверь открылась, и я тут же скользнул обратно под одеяло. Парень, который вошел, был здорово похож на буйвола.

– Вы – Эдвард Дюган? – спросил он.

– Да, это я, – ответил Слоуп.

– Ты мне нужен, парень, – заявил буйвол.

– В самом деле? – вежливо поинтересовался Дюган.

– Я тебя разыскивал, – пояснил буйвол. – Я детектив Фрэнк М. Сидни. Меня нанял джентльмен, который хотел тебя видеть, как только ты появишься в городе.

– Вот как? – отозвался Слоуп таким спокойным тоном, что можно было с ума сойти. – Я арестован?

Конечно, я знал, что у него крепкие нервы, но не настолько же! Меня же начинало трясти при одной мысли о копе, не говоря уже о том, чтобы столкнуться с ним нос к носу. Перед моими глазами сразу заплесали порка и решетка.

– Ты не арестован, дружище, пока нет, – сообщил буйвол. – Но есть человек, который очень сильно хочет тебя видеть. Так что пойдем.

– Я здесь с товарищем, – сказал Дюган. И, махнув рукой в мою сторону, предложил: – Может, этот джентльмен зайдет к нам сюда?

Буйвол искоса поглядел на меня, а затем вытаращился на дыру в сюртуке Слоупа. Честно говоря, там было больше дыр, чем самого сюртука. Потом сообщил:

– Парень, о котором я говорю, носит ту же фамилию, что и ты. Это – Рональд Дюган, но он шикарный парень. Лучше тебе пойти к нему в гостиницу.

– Рональд! – счастливо улыбнулся Дюган и повернулся ко мне: – Ты только подумай, Рэд! Здесь Рональд!

– Значит, в воздухе чем-то пахнет, – заключил я и сел. Затем обратился к буйволу: – Отлично, приятель, мы навестим молодого Дюгана после завтрака. Скажи ему об этом.

– Да, мы зайдем к нему после завтрака, – подхватил Слоуп.

Буйвол уставился на меня:

– Я тебя знаю, парень?

– Нет, – мгновенно отреагировал я. – Тебе еще не выпадало такое счастье.

– И все-таки мне знакома твоя морда...

– Ты не возвращаешься в таком обществе, – огрызнулся я, чувствуя, как в желудке все начало подпрыгивать.

Буйвол подошел ко мне поближе и внимательно посмотрел на меня. Затем кивнул:

– Я постараюсь вспомнить.

– Пока ты здесь, вспомни, как отсюда выйти! – парировал я.

Уходя, он снова скосил глаза в мою сторону.

– Этот другой Дюган живет в «Империале», – бросил через плечо и захлопнул за собою дверь.

– В манерах этого человека есть что-то неучтивое, – заметил Слоуп. – Не могу сказать, что именно. Возможно, весь его внешний вид. Ты так не думаешь, Рэд?

Я не ответил, потому что в этот момент ругал себя за то, что так много болтал с этим буйволом. Меня волновало, насколько глубока его память.

Глава 7

Мы позавтракали у себя и отправились в «Империял». По дороге я как следует разглядел Потсвилл.

Поверьте мне на слово, это был еще тот городок. Похоже, его построили за один день, и этот день пришелся на субботу, когда плотники работали всего полдня, да к тому же спусти рукава. Короче, сляпали кое-как, наспех. Даже в самом центре мул и тот не нашел бы прямой дорожки. А буйвол, продравшись через Потсвилл, мог подумать, что был всего-навсего в зарослях густого кустарника.

И все же в этом городке было на что поглядеть. Между ювелирными магазинчиками, за витринами которых сверкали всякие финтифлюшки, втиснулись кузнечные мастерские с их грубыми железяками и оглушительным грохотом. Рядом же торчала палатка торговца всякой разной мелочью, а за нею – отель, сложенный из пустых консервных банок, которые держались одной надеждой. Вплотную к нему прилепилась времянка, где устроился старатель и под закатным кверху брезентовым пологом готовил себе еду на проржавевшей печурке...

Люди на улицах были из тех, кто и внимания не обращал на изодранный сюртук Слоупа. Здесь толкались, шли вразвалку или торопились куда-то кто угодно, от индейцев в пестрых одеялах до картежников-аферистов во фраках с длинными хвостами. По узким пыльным улицам в обоих направлениях еле переставляли ноги усталые грузчики, ведя под уздцы мулов, которые мерно кивали своими грустными мордами в хомутах. Между ними небрежно проталкивались ковбой со стертymi ногами – эти приехали сюда людей посмотреть и себя показать, а как только спустят заработанные денежки, так сразу и разъедутся по своим ранчо. Тут же бродили золотоискатели, только что прибывшие издалека попытать счастья на приисках. В толпе можно было встретить и вечных, можно сказать, профессиональных лодырей, способных только жевать табак да слоняться у салунов, выпрашивая выпивку, и рабочих разных профессий с натруженными руками, и продувных мошенников, и честных людей. Здесь мелькали высушенные солнцем лица старожиллов Запада и новичков, которых можно было сразу различить по их красным облупившимся носам.

Но самое главное, в городке пахло каким-то возбуждением – чувствовалось, будто вот-вот здесь что-то взорвется, показав всем, что почем.

И хотя я нет-нет да и вспоминал про того здоровенного буйвола, который так и рыскал по мне своими подозрительными глазищами, а все-таки радовался, что оказался в Потсвилле. Настроение было такое, как будто я ввязался в какую-то большую игру, не зная, стоило ли это делать и что будет потом – угожу в тюрьму или закончу день с друзьями в салуне.

Наконец мы пришли в «Империял» – самое лучшее трехэтажное здание в городе. Это был один из тех отелей, которые вечно стоят в строительных лесах: то их ремонтируют, то подмазывают свежей краской, то к ним пристраивают новые крылья. На первом этаже здесь находился большой вестибюль с деревянными колоннами, раскрашенными под мрамор.

Словом, «Империял» оказался по-настоящему шикарным местом, но еще более шикарным был молодой джентльмен, который встал с плюшевого кресла и с улыбкой пошел нам навстречу, готовясь пожать наши руки.

Я во все глаза глядел на него, потому что сразу догадался – это и есть тот самый Рональд, у которого такое доброе сердце.

Во всяком случае, одет он был просто замечательно, во все коричневое. Даже на ногах были узкие коричневые туфли, и только голубой галстук подчеркивал цвет глаз. Он выглядел холодным, гибким, гладким и блестящим, ну почти как змея. Его волосы, разделенные таким потрясающим пробором, что до самого затылка шла широкая белая полоска кожи, были тем-

ными от бриллиантина, так что понять, какого цвета они на самом деле, не представлялось возможным.

Помню, на нем был двубортный сюртук, а настоящего джентльмена всегда распознаешь именно по нему. Потому что большинство людей в сюртуках выглядят так, как если бы хорошая мысль вдруг пошла наперекосяк. В них у мужчин почти всегда слишком большие животы и как будто совсем нет грудных клеток. Но на сюртуке мистера Рональда Дюгана, с его прекрасным сердцем, не было ни морщинки. Он был весь до того гладкий, что прямо блестел.

Рональд показался мне чуть ли не самым красивым человеком, какого я когда-либо видел. По-настоящему красивым, со смуглой кожей, глянцевыми, как у ухоженного дитяти, щечками, большими, мягкими и удивительными глазами. Когда он улыбнулся, то в вестибюле как будто включился свет – так много у него было зубов и такие они были белые.

Я стоял и любовался им. Сразу было понятно, что он хочет пожать нам руки, потому что, как только встал с кресла, вытянул вперед правую ладонь, да так и держал ее, пока к нам приближался.

– Мой дорогой Нэд! Мой дорогой Нэд! – повторял он на ходу.

Подойдя, он опять включил свою улыбку. Я никогда еще не видел более подходящего места, чтобы заехать по нему кулаком.

Старина Слоуп сразу весь вспыхнул и так схватил руку Рональда, что тот заверещал.

– Ой, я опять сделал тебе больно! – испугался великан.

Рональд закусил губу и один за другим потер поврежденные пальцы, свирепо сверкнув глазами. Но потом тут же включил свое электричество и улыбнулся на весь холл.

– Так приятно было тебя увидеть, Рональд, что я совсем забыл о моей хватке, – проговорил Слоуп.

– Мне тоже так радостно встретиться с тобой, что я мог бы потерять руку и даже того не заметить, – откликнулся Рональд. – Где же ты был все это время, мой дорогой друг?

– Я шел через всю страну, – сообщил Слоуп. – Вот хочу познакомить тебя с моим верным другом. Все зовут его Рэд. Рональд, разреши представить тебе Рэда. Рэд, это мой брат Рональд.

Я подошел и пожал ему руку. Осторожно вытянув из моей ладони свои пальцы, он посмотрел на них, уверен, чтобы проверить, не испачкал ли я их. На этот раз на его губах появилась брезгливая улыбка.

– О! – сказал я. – Рад познакомиться с любимым братом Нэда.

Вероятно, добрейшему Рональду было бы приятнее обойтись без этого моего замечания. Оно вошло в него медленно и точно, как шляпная булавка. Он отвел глаза от рваного сюртука Слоупа и подарил мне взгляд, который прошел мою голову насквозь, от правого виска до левого уха. Но я не рухнул на пол, а только ему подмигнул.

Конечно, напрасно я так глупо поступил. Нет никакого смысла сразу кому-то давать понять, что ты его видишь насквозь и презираешь. Это вообще неправильная политика. Лучше всего всегда сохранять хорошую мину. А не можешь, носи темные очки или повязку на одном глазу, вот.

Так или иначе, но в ту секунду между мной и этой теплокровной змеей Рональдом будто вроде что-то проскочило. С этого момента мы всегда чувствовали друг к другу то же самое, только со временем все сильнее.

Наконец Рональд перевел взгляд на брата и проговорил:

– Я ждал тебя здесь со дня на день и ужасно беспокоился, не случилось ли чего?

– Неприятности коснулись только моих ботинок, – отозвался великан, продолжая держать руку на плече любимого брата. – Я шел в хорошем ровном темпе, но уж очень большая у нас страна, Рональд. Когда человек идет пешком, это занимает много времени.

– Правда, вот уж правда, – быстро заговорил Рональд. – Я не переставал огорчаться, что тогда до такой степени был стеснен в деньгах, что...

– О, дорогой друг, дорогой мой Рональд, – остановил его Слоуп, – не стоит об этом снова. Твое доброе желание для меня важнее денег.

– В самом деле? – Рональд включил свою улыбку на полную мощность.

– Конечно, – улыбнулся в ответ Слоуп, такой честный и такой глупый, что мне оставалось только удивляться.

– А сейчас, – заявил Рональд, – у меня есть для тебя неплохая новость.

– Да ну? – обрадовался великан и весь засиял.

– Насчет твоих акций, – пояснил Рональд.

– Здорово! – воскликнул Слоуп.

– Нет, в самом деле, новость очень хорошая, – подтвердил великодушный младший брат. – Ты ведь думал, что они стоят только тысячу или полторы тысячи долларов, когда уходил из дома, правильно?

– Верно, – кивнул Слоуп. – А сейчас?

– Ну, старина, ты ведь никогда особенно не разбирался в бизнесе, правда? – любовно продолжил Рональд.

– Боюсь, я ни в чем не разбираюсь, – вздохнул великан. – Но особенно, конечно, в бизнесе. А что произошло?

– Уже после того, как ты ушел, мы получили еще одно письмо от мистера Кристиана, и я подумал, что ты не станешь возражать, если я вскрыю его за тебя.

– Конечно, я не стал бы возражать, – весело подтвердил парень.

Меня стало всего корезить, я громко закашлялся. Братец Рональд одарил меня взглядом, который мог бы разжечь сырые дрова. Затем выпустил на лицо только половину своей улыбки и поспешно обратился к оболтусу:

– Из письма, которое я вскрыл, выяснилось, что предложение изменено, поэтому я бросился закрывать брешь в твое отсутствие.

– Добрый старина Рональд! – совсем растрогался Слоуп, и глаза его засияли, как две свечки.

– Ну, я только хотел сделать, что мог, – уточнил скромняга младший брат. – Написал тщательно продуманное письмо и затеял весьма серьезную переписку, которая в конце концов увенчалась тем, что я вынудил Кристиана очень значительно увеличить его предложение.

– Он прекрасный человек! – не утерпел Слоуп.

– До какой суммы, как ты думаешь? – задал вопрос Рональд.

– Может, вдвое больше? – с робкой надеждой предположил великан.

– До пяти тысяч долларов! – объявил Рональд Великолепный.

Во время этого разговора у меня в животе становилось все холоднее и холоднее, я стал понимать, что должен вмешаться и сделать хоть что-нибудь. Ясно, Бонанзе Крису Кристабель нужен позарез. Поэтому он и повысил цену. Предложил заплатить этому доверчивому кретину пять тысяч да еще его братцу за хлопоты. И если при этом великодушному Рональду не перепал жирный кусочек, я готов был съесть кучу опилок, не запивая их водой!

Похлопывая Слоупа по его огромной ладони, красавец мужчина заторопился.

– Все, буквально все уже готово, – твердил он. – Нам остается только пойти в контору мистера Кристиана и подписать там бумаги. Раз – и пять тысяч долларов твои!

Мне стало ясно как день, что хлопотун Рональд здорово поработал, чтобы все устроить.

Глава 8

Конечно, я потащился за ними, но младшему братцу это не понравилось.

– Мистер Кристиан – очень деловой человек, – заявил он. – Мы не можем навязываться ему в компании с молодыми людьми, чтобы он даром терял время.

Мне захотелось треснуть ему по носу. И тут я увидел, что Слоуп кивнул. Он всегда со всеми соглашался.

– Для него это не будет пустой тратой времени, – возразил я. – Мы старые друзья, он будет рад меня видеть. Крис приглашал меня заскакивать к нему в контору каждый раз, как я здесь окажусь.

Братец Рональд рассматривал меня целую минуту, и, не удержавшись, я снова ему подмигнул.

– Но, Рэд, я удивляюсь, почему ты не сказал мне об этом раньше? – вдруг поинтересовался Дюган-старший.

– Я не верю ни одному его слову, – вставил великодушный Рональд, причем с эдакой растяжкой, то повышая, то понижая голос, как это делают женщины, когда разозлятся.

– А вам и не нужно мне верить, Рональд, – огрызнулся я. – Это было бы моим сюрпризом для Слоупа, в случае если бы ему не удалось получить согласие на встречу с Кристианом.

Рональд сделался багровым и заявил:

– Этот маленький негодяй совершенно не умеет себя вести. Для тебя, Рэд, я – мистер Рональд.

– Этот ваш «мистер» остался по ту сторону гор, – парировал я.

Дюган-младший готов был взорваться, а старший засмеялся.

– Позволю себе сказать, – неожиданно объяснил этот простофиля, – Рэд имеет в виду, что для этих мест ты слишком хорошо одет. Он – странный паренек, Рональд, но у него доброе сердечко. Не сердись. Пусть Рэд пойдет с нами. – И он потянул за собой упиравшегося брата.

Я весело посмотрел на Рональда и снова ему подмигнул. Он был готов меня съесть, но могу поклясться, тогда его прохватил бы сильнейший понос.

Мы пошли в контору Бонанзы Криса. И надо сказать, появились там в очень удачный момент, потому что только мы оказались под рядом окон, над которыми красовалась вывеска: «Генри Кристиан, торговый агент, маклер, юрисконсульт и пр.», как из дверей вышли два джентльмена, ведя под руки женщину. Она была симпатичная, загорелая и худая, но так расстроена, что плакала.

– Оставайся здесь, сестрица, – сказал один из здоровяков и толкнул ее со ступенек крыльца.

Не стоило ему этого делать, когда поблизости находился Слоуп.

Он схватил грубияна за шиворот и трахнул его о стену с такой силой, что тот так и сел там, где стоял.

– Ты не имеешь права так грубо обращаться с леди, – объяснил свой поступок великан.

В этот момент второй громила вытащил пистолет. Заметив это, Слоуп спокойно повернулся к нему:

– Прошу тебя, не наводи эту штуку на меня. Неизвестно, послушался его головорез или просто испугался, но моментально сунул пушку под одежду и быстро исчез за дверью.

– Жаль, что ты не свернул им шеи, – проговорила женщина, – а заодно уж и Бонанзе Крису. О, какая же я была дура, когда ему поверила! Он только и умеет, что врать на каждом шагу! Прямо весь сотворен из вранья и хитрости! Проклятый жулик, обобрал меня до последнего пенни. И вот я снова здесь и реву посреди улицы, как побитая дворняжка! Но пусть не

радуется! Я еще вернусь, и не одна, а приведу тех, кто сможет поговорить с этим толсторожим мошенником!

Женщина вытерла слезы и решительно зашагала по улице. Мне понравился ее вид, ее походка и то, что она на ходу сжимала кулаки. И конечно же пришлось по душе, что она вот так выскочила перед нами, потому что Слоупу было очень полезно на все это посмотреть. А великан между тем потер по своей привычке подбородок и, посмотрев ей вслед, произнес:

– Она выглядит очень возмущенной мистером Кристианом, Рональд.

– Ничего удивительного, – спокойно отреагировал тот. – Видишь ли, каждый его клиент надеется разбогатеть всего за одну ночь. А когда такого чуда не происходит, теряет выдержку.

У меня вырвался такой громкий смешок, что даже Слоуп обратил на него внимание.

– В чем дело, Рэд? – удивился он.

– Да просто смешно, что кто-то вообще может доверяться этому прожженному жулику и вонючему шакалу Бонанзе Крису, – пояснил я. – Денежки, которые ему удастся заполучить, уже никогда не вырвать из его цепких лап. Он обдирает скальпы со всей округи. Этимто и знаменит. И если предлагает тебе пять тысяч за твои акции, то будь уверен, они стоят не меньше пятисот тысяч!

Я выложил карты на стол и стал ждать, что из этого выйдет.

Но великодушный Рональд поднял перчатку.

– Мне кажется, Рэд ищет повода устроить безобразный скандал, – высказался он. – Мы знаем, Нэд, что случилось с остальными. Кристиан все объяснил, к моему полному удовлетворению. Он пережил много рискованных сделок. Такое случается. Деньги отца, то есть твоя доля, просто оказались неудачно вложенными в бесперспективные участки.

– Да, – согласился Слоуп, – это звучит очень правдоподобно. И в конце концов, пять тысяч долларов гораздо больше, чем полторы, верно?

– Ну разумеется, – поддержал его брат. – Когда я думаю о судьбах многих великих людей, которые начинали с гораздо меньшей суммы, чем пять тысяч долларов...

Тем временем он незаметно подталкивал Слоупа к входу, и я понял, что мне лучше на время заткнуться и посмотреть, что будет дальше. Так мы поднялись по ступенькам и вошли в контору Бонанзы Криса. А за дверью, на которой была табличка с его именем, обнаружили и его самого.

Бонанза Крис расхаживал по кабинету, засунув большие пальцы рук в карманы жилета. Он был жирным, рыхлым, розовощеким мужчиной и выглядел так, будто только что вышел из турецкой бани, где его растирали полотенцами. И весь благоухал мылом. У него было огромное лицо, все в толстых складках, которые свисали на красный с желтыми полосками галстук, украшенный булавкой с камнем. Все акры его физиономии были тщательно выкошены. Удивительно, как ему удавалось выбривать эти резиновые складки около рта? Я даже представил себе, что ему приходится их растягивать, чтобы не порезаться бритвой.

На нем были полосатые брюки и туфли, которые сияли, как солнце в стоячей воде. Бонанза носил пестрый жилет с толстой двойной золотой цепочкой, выпущенной поверх огромного живота. Из верхнего его кармана высовывался носовой платок, а из внутреннего торчал кожаный портсигар.

Прежде мне еще никогда не доводилось видеть человека, который был бы так похож на мешок с деньгами. Я представил себе целые стада породистых быков, овец, оленей и косяки сверкающей на солнце рыбы, которые сдуру добрались до Бонанзы Криса и навсегда пропали в его утробе. Там же исчезли и бесчисленные бочонки с пенящимся пивом, и ящики бутылок с холодной водой, чтобы сделать вот такое отвислое лицо и холеную розовую кожу. Забавно, что при этом у него были ясные, как у ребенка, глаза.

Рональд представил ему брата. Крис подошел, навалился на Слоупа своим огромным животом и, схватив обеими руками его громадную ладонь, с восторгом заговорил:

– Мой дорогой мистер Дюган! Мне известно о неудаче, которая постигла ваши вложения в акции прииска. Мать Земля – суровая хозяйка. Мы пытаемся завоевать ее благосклонность, но порой она ничего нам не дает, кроме горьких пинков. Однако сейчас в моей власти сделать для вас хоть что-нибудь. Я собираюсь перекупить ваши акции Кристабеля с порядочной для вас выгодой. У меня есть весьма призрачная надежда, что со временем, может, что-нибудь да выйдет из этой несчастной земляной ямы. Кроме того, я хочу хоть немного поправить ваше положение. Ваш отец понес тяжелые потери, которые не дают мне покоя ни днем ни ночью. То, что я могу предложить сейчас, не так уж много. Но лиха беда начало, смею вам напомнить.

Потому сейчас, если вы принесли с собой сертификаты на акции, давайте приступим к делу. Я приготовил документ для официальной передачи, и у меня на руках есть необходимая сумма наличных денег. Вам остается только присесть за этот стол и подписать бумаги. – Он положил на плечо Слоупу свою жирную лапу и мягко подтолкнул его к столу.

Подобной завиральной болтовни я в жизни моей не слышал, поэтому не удивился, что такой доверчивый тугодум, как Слоуп, немедленно попался на удочку. Он двинулся к столу, улыбаясь, как одураченный малыш, а толстяк за его спиной обменялся многозначительным взглядом с великодушным Рональдом.

Ну, я-то все понял. Поэтому взял и кашлянул. А потом еще раз, и посильнее. У меня даже слезы покатались из глаз, так сильно я закашлялся. Рональд глянул на меня, как кнутом огрел!

– Кстати, – промолвил он с нехорошей усмешкой в голосе, – этот молодой человек, которого зовут просто Рэд, а другого имени, насколько мне известно, у него нет, говорит, что он очень хорошо вас знает.

– Вот как? В самом деле? – встрепенулся Бонанза. – Ты знаешь меня, сынок?

– А ты разве не помнишь меня, Крис? – откликнулся я, удивляясь, что у меня хватило смелости блефовать с таким мошенником.

– Что-то не припомню, – буркнул Крис.

– Я же говорил тебе, Нэд, – обратился Рональд к брату, – этот юнец лжет без зазрения совести.

– Ах, ах! – вмешался Бонанза, качая головой. – В его-то возрасте! Это в его-то годы! – И он погрозил мне пальчиком, хотя, надо признаться, вовсе не враждебно.

Тогда я, так сказать, отпустил вожжи и погнал вскачь моего блефового коня!

– Ну как же, Крис, – упрекнул я его, – неужели ты забыл, как за тобой гнались вооруженные люди там, в Монтане, и ты на своей загнанной лошади остановился на ранчо дядюшки Эля? Я еще мог тебе поймать в коррале свежего коня... Теперь вспоминаешь меня?

Никогда не забуду задумчивого взгляда, которым одарил меня Бонанза. Потом он медленно кивнул:

– Да, да, ну как же! Эти негодяи, которые посмели встать против закона и порядка, пытались изгнать меня оттуда! Теперь я тебя точно вспомнил. – И он протянул мне руку!

Глава 9

Рональд Большое Сердце чуть не задохнулся, когда увидел, как я пожимаю руку этого жирного обманщика. Мне удалось подмигнуть мистеру Кристиану, а он подмигнул в ответ, слегка, одним движением века, продолжая сиять и улыбаться. И мы поговорили!

– Да, сынок, ты подрос с того дня. Вот почему я сразу не узнал тебя, – заметил Бонанза.

– Верно, – признал я, – немного вырос с тех пор.

– Помнится, я тогда обещал дать тебе пять долларов при новой встрече, – продолжил он. – Вот тебе, сынок, эти деньги. – И вынул новенький, блестящий пятидолларовик.

Я пораился ловкости, с которой Крис предложил мне эту взятку-затычку. Он не знал, могу ли я на самом деле испортить ему игру, но решил не рисковать и спихнуть меня с дороги.

Мне очень хотелось заполучить эти деньги. Даже пришлось потереть руки о брюки, чтобы унять зуд в пальцах. Но я не стал бы продаваться за такую цену. Поэтому сказал:

– Ты спутал меня с кем-то, Бонанза. Должно быть, это был другой парень, который помог тебе выпутаться еще из какой-то беды.

Несколько акров его улыбки моментально исчезли вместе с монетой в кармане жилетки.

И тут выступил старина Слоуп:

– Вы знаете, мистер Кристиан, Рэд – чемпион мира по части помощи людям. Он сделал для меня больше, чем можно предположить.

Но Кристиан даже не обернулся к нему, продолжая тарашиться на меня и пытаясь правильно оценить. Прямо-таки копался в моем нутре.

– Да, – протянул наконец, – у меня нет ни малейшего сомнения, что этот мальчик может быть полезен, если, конечно, захочет.

Я-то понял, куда он клонит.

Затем Бонанза снова положил ладонь на плечо Слоупу и подтолкнул его к стулу. Мой оболтус позволил себя усадить, взял ручку, которую ему всучили, достал из внутреннего кармана сертификаты на акции и положил их на стол.

– А, вот и они! – обрадовался мистер Кристиан, разглаживая бумаги. Затем надел очки и стал рассматривать сертификаты поверх стекол.

Все, что я мог увидеть на листке, лежащем перед Слоупом, было слово «Поскольку», написанное крупными буквами с завитушками.

Прежде мне уже приходилось встречаться с этим словом несколько раз. Можете мне поверить, уж если кто-то начинает со слова «поскольку», значит, он достает его снизу пустой колоды. Я с трудом перевел дыхание – так мне стало плохо.

Рональд следил за мной уголком глаза. Думаю, пытался понять, что я собираюсь сделать дальше. Но я и сам ломал над этим голову. Казалось уже невозможным помешать старине Слоупу подписать бумаги, однако я, черт побери, слишком хорошо знал, что если он это сделает, то потеряет по меньшей мере на каждом долларе – десять!

А Слоуп уже занес ручку, чтобы подписаться.

– Подожди-ка, – остановил его я.

У Бонанзы все тело затряслось и заколыхалось, когда он услышал, что я влезаю в эту игру, а у брата Рональда приподнялась верхняя губа, как у собаки, которая собирается в вас вцепиться.

Но Бонанза всегда был скользким. Шелковым голоском он подсказал:

– Как раз вот в этом месте, мистер Дюган, а потом...

– Хорошо, Рэд, подожди минутку, – бросил мне Слоуп.

– Я только хочу, чтобы все было проверено перед тем, как ты подпишешь бумаги, – пояснил я.

– Проверено? А что здесь проверять, Рэд? – удивился он, улыбаясь мне своей простой, открытой и доверчивой улыбкой.

– Здесь совершенно нечего проверять, – вмешался Рональд.

– Что ты имеешь в виду, Рэд? – снова спросил Слоуп.

– Боюсь, – взял слово Кристиан, – Рэд просто хочет примазаться, потому что не желает остаться в стороне от каких-либо дел.

– Я скажу тебе, что имею в виду, Слоуп, – продолжил я. – Прежде чем подписать какие-нибудь бумаги, их надо просмотреть. Этот Кристабель сначала ничего не стоил, потом стал стоить полторы тысячи долларов, а теперь уже пять тысяч и проценты Рональду да плюс расходы Рональда на дорогу сюда и обратно.

Этот выродок Дюган-младший в один момент полинял.

– Расходы? Какие могут быть расходы? – забормотал Кристиан как-то тихо и добродушно.

Но я видел, что его дряблая рука сжалась в кулак, да так, что мизинец побелел.

– Конечно, здесь и речи не может быть о каких-то расходах, – добавил Рональд.

– Я все-таки не понимаю, что ты хочешь сказать, Рэд, – повторил Слоуп.

– Сейчас объясню, – заверил его я и наугад шагнул в темноту. – Но сначала я хочу, чтобы ты посмотрел своему великодушному братцу в глаза и спросил его, почему мистер Кристиан прислал ему чек.

Этого было достаточно, чтобы Слоуп озадаченно посмотрел на Рональда и ему не понадобилось задавать вопрос. За него это сделал я, попав в точку. Каким-то образом мне удалось нащупать зацепку, хотя, по сути дела, нетрудно было догадаться, что Кристиан должен был послать Рональду деньги на поездку и кое-что сверх того, чтобы показать ему, что сердце у него там, где ему положено быть.

Так или иначе, но мой выстрел наугад попал Рональду прямо в солнечное сплетение. Ему пришлось ухватиться за край стола и опереться о него. Руки у него задрожали.

Я чуть не пожалел его. Мне еще не приходилось видеть, как шикарный джентльмен прямо на глазах превращается в жалкую скулящую дворняжку. Но именно так произошло с Рональдом.

Слоуп все еще не понимал до конца, куда я клоню, хотя не мог не видеть, что Рональд завихлялся, как собака, которую застали около буфета с куском пирога в пасти.

– Что это, Рональд? – задал он вопрос. – Я не понимаю.

«Конечно, понимать он еще не понимает, но все-таки запах крысы уже почуял», – подумалось мне.

Все еще трясущийся, Рональд постарался взять себя в руки и бросился в борьбу, как глупая девчонка, – затопал ногами и завизжал.

– Я знаю, что это значит! Этот ничтожный щенок посмел обвинить меня в подлых делишках, меня, твоего брата! Я приехал сюда с другого конца страны, чтобы защитить твои интересы, а теперь...

– Тише, Рональд, – отмахнулся от него Слоуп. – Я знаю, что ты это делаешь для моей пользы. Конечно же знаю!

– Не очень-то на это похоже, – заскулил Рональд, – иначе ты не позволил бы этому гаде-нышу оставаться здесь после того, как он меня оскорбил.

– Что касается лично меня, – заговорил большой человек Бонанза, – то я уже собирался совсем оставить это дело и взялся за него только потому, что вы, мистер Дюган, заинтересовали меня поразительным невезением вашего брата.

– О, я знаю, что все вы желаете мне только добра, – конечно же не удержался мой балбес.

Бонанза принял его слова за руководство к действиям и приступил к ним со всей прытью.

– Во-первых, – отчеканил он, – я не могу позволить этому негодному мальчишке оставаться в моем кабинете после того, как он оскорбил такого джентльмена, как Рональд Дюган. – И с этими словами он сделал шаг вперед.

Я разрешил ему как следует в меня вцепиться. Я как раз очень хотел, чтобы он меня сцапал, – мне это было необходимо для следующего хода. Бонанза не сделал мне больно, однако я завыл так, будто он разорвал меня пополам.

В результате получилось то, что и требовалось. Слоуп вскочил со стула, ручка полетела в угол, стол накренился, как будто все это происходило на палубе корабля во время сильной качки. Дотронувшись до плеча Бонанзы, великан сказал:

– Не трогайте его.

Его тон заставил Криса попятиться, а я прислонился к стене, закрыл глаза и схватился за то место, где он только что меня держал.

Это было неплохо сыграно, и Слоуп разгорячился, как огонь.

– Если Рэда выгонят вон, я уйду вместе с ним, – пригрозил он. – И если кто-нибудь посмеет еще раз тронуть его, я тоже трону. – И схватился за спинку стула, чтобы сдержать себя, так как был очень зол.

Я видел, что Бонанза тоже стал красным и потным от гнева.

И в этот момент перекладина на спинке стула под рукой великана сломалась, как куриная косточка под клыками собаки. Этот хруст моментально изменил позицию Бонанзы. Должно быть, увиденное помогло ему составить некоторое представление о Слоупе.

– Чепуха какая-то! – пробормотал он. – У меня и в мыслях не было причинить Рэду какой-либо вред. Уверен, я ничего ему не сделал, хотя, конечно, когда человек возбужден, он не может точно рассчитывать свою силу. Просто меня до крайности возмутило то, что он тут наговорил о вашем брате, мистер Эдвард Дюган.

Конечно, с его стороны это был ловкий ход. Но чем больше Бонанза болтал, тем яснее я понимал, что дело, которое он пытается провернуть, для него очень много значит. Это были деньги, и очень большие деньги.

– Не хочу, чтобы кого-нибудь оскорбляли, – прогудел Слоуп и, протянув руку, подтащил меня к себе. Затем, сдвинув брови, пристально посмотрел из-под них мне в глаза и растерянно попросил: – Пусть мне кто-нибудь скажет, что все это значит?

– Я могу тебе сказать, – бросился вперед Рональд. – Это значит только то, что Рэд – маленький негодный клеветник.

– В самом деле? – Слоуп выглядел ужасно огорченным. – Давай скажи мне, Рэд, это действительно так?

– Спроси его, кого я оклеветал? – быстро отреагировал я.

– Кого же он оклеветал, Рональд? – послушался меня мой балбес.

– Да меня он оклеветал! – закричал тот.

– Спроси его, что я о нем сказал? – еще раз подсказал я.

– Ну, – лицо Рональда пошло белыми и розовыми пятнами, – дело в том, что он посмел намекнуть, будто я делаю все это из корысти, в то время как тебе известно, я никогда не стал бы наживаться за твой счет... – Он взмахнул рукой в безнадежном жесте отвращения ко всей этой идиотской истории.

Великан тупо уставился на меня.

– Слоуп, – сказал я, – если бы дело было чистым, твой братец никогда не приехал бы сюда. Просто ему было нужно сказать Кристиану, что ты направляешься сюда, чтобы Кристиан сам мог встретиться с тобой и предложить тебе пять тысяч долларов. Разве не ясно?

Глава 10

Я специально изложил дело так просто, как только мог, потому что боялся, что Слоуп не ухватит смысла их затеи. И действительно, он все еще пытался это переварить, когда влез Бонанза:

– Я начинаю терять интерес к этому делу. Впрочем, для меня и не было в нем никакого интереса. Просто самое обычное проявление заботы о вашем благосостоянии.

Дюган-старший посмотрел по очереди на каждого из нас. Тогда я рассмеялся хорошим, сердечным смехом и растолковал ему дальше:

– Послушай, Слоуп, он говорит, что умывает руки, но скорее прольет кровь ради твоей подписи на этом клочке бумаги. Даже больше – прольет деньги, целые кучи денег. Потому что Кристабель – один из самых перспективных участков, которые когда-либо столбились в Потсвилле, или я последний лгун!

– Боюсь, что ты и есть последний лгун! – рявкнул Бонанза, и его огромные отвислые губы склеились от ненависти и злобы.

– Помните ваше предложение, – посоветовал я ему. – Для вас это единственный выход. Вы наняли Рональда – оплатили его проезд сюда и обратно. Пообещали ему часть дохода с прибыли, а теперь вам придется потратить немного больше.

– Поразительно смехотворная чушь! – воскликнул Кристиан. – Но, мистер Дюган, только чтобы прекратить эту абсурдную и отвратительную сцену...

– Да, – покачал Слоуп своей честной головой, – она именно отвратительная!

– Чтобы прекратить ее и сберечь драгоценное время, – продолжил бандит, – я действительно готов заплатить вам за то, что вы немедленно подпишете бумаги и отдадите мне десять тысяч долларов наличными. У вас есть тридцать секунд, чтобы обдумать это предложение! – И с этими словами он сложил свои дряблые ручищи на толстом животе.

Я снова весело рассмеялся, в то время как Слоуп уставился на упавшую ручку и разбросанные бумаги. Для него это, конечно, были невиданные деньжищи. Однако обернулся на мой смех, и тогда я сказал:

– Я же тебе говорил, что он предложит больше, вот видишь, уже и сделал это!

Великан замер.

– Действительно, сделал именно то, что ты и говорил, хотя я не могу понять, как это ты догадался?

– Ну, все мошенники пользуются одними и теми же приемами, – пояснил я. – Один взломщик сейфов как-то мне объяснил, что все они давно известны и нет ничего нового. И один фальшивомонетчик говорил то же самое.

Так оно и было на самом деле. Но Бонанза сделал вид, что не заметил моей пощечины.

– Довольно пустой болтовни, Дюган, – проговорил он. – Давайте закончим с нашим делом.

– Да, да, мой дорогой Нэд, конечно, давайте покончим с этим. Не дай мне почувствовать, что моя поездка через всю страну была напрасной, – влез Рональд.

Этот олух снова качнулся к столу. Тогда я резко остановил его:

– Ты уже не можешь подписать бумаги, Слоуп. Тридцать секунд прошли!

Великан запустил пальцы в волосы, а Бонанза произнес одно только слово. Это было короткое слово, но очень выразительное. Оно прозвучало как хлопок надутого воздухом бумажного пакета.

– Великий Боже! – заныл Рональд. – Неужели ты позволишь провести себя этому дохлому щенку, этому бродяжке и воришке, который...

– Не говори больше ничего, – попросил его Слоуп.

А затем сделал забавную вещь. Пересекая комнату, остановился прямо напротив меня, посмотрел на меня встревоженными глазами и спросил:

– Рэд, что ты на самом деле думаешь об этом?

Ну, тут я выпалил все:

– Они подняли цену, как я и говорил, с пяти тысяч до десяти. Десять тысяч баксов! Но настоящий торг еще не начинался. Они будут и дальше поднимать цену. Неужели ты сам не видишь, что эти людишки пытаются провернуть? Затеяли нечестную игру. Ты – главный владелец акций Кристабеля. Наверное, сначала старик Бонанза думал, что в этом ничего нет, но, когда стали рыть немного глубже, оказалось, что это не жила, а чудо. Бьюсь об заклад, Кристабель – это целое состояние. Я прошу тебя вспомнить еще одну вещь – бледный вид Рональда Большое Сердце, когда всего минуту назад я сорвал маску с его обманчивого лица.

Возможно, из мною сказанного Слоуп понял только то, что я повесил на самом видном месте. Однако он обернулся, грустно посмотрел на брата и, покачав головой, заключил:

– Боюсь, что Рэд прав. Я имею в виду, что мне нужно внимательно разобраться в этом деле и посоветоваться.

Бонанза, который изо всех сил тащил этого мула к воде, разозлился, что тот не стал пить. Он потерял голову, взорвался и, размахивая жирными руками, заорал:

– Убирайся вон из моей конторы и пропадите вы все пропадом! Ты, тупая башка, я разворошу весь Потсвилл, чтобы схватить тебя. Я заставлю тебя попрыгать!

Слоуп внимательно посмотрел на него, потом повернулся ко мне:

– Полагаю, мы можем уйти, Рэд. Кажется, ты был во всем прав.

И мы пошли прямо к дверям, при этом я шел быстро и на цыпочках, потому что, по правде говоря, чувствовал себя так, будто мне в любую секунду могли выстрелить в спину.

Когда мы уже были у лестницы, я услышал рык Бонанзы:

– Ты такой же идиот, как твой братец. У тебя не больше самообладания, чем у глупой девчонки. Ты дрожал и трясся как дурак перед уличным мальчишкой, который на самом деле ничего не знал!

Потом донесся визгливый голос Рональда:

– А ты сам тоже хорош! Если хочешь знать, как игрок ты – ноль! Ты дал Рэду посмотреть свои карты и выкладывал их одну за другой точно так, как он говорил!

Мы вышли на улицу. Слоуп все еще засовывал свои сертификаты в карман. Я ожидал, что он будет рад, ну, может, слегка разозлен, но он был просто опечален.

– Все в порядке, парень, – постарался я его утешить. – Этот твой братец – испорченное мясо. Конечно, у него положение, он не простой человек, но больше до тебя не дотянется. Надеюсь, теперь ты понимаешь, как он и раньше хотел тебе помочь и почему даже не раскошелится на железнодорожный билет?

Лицо великана сморщилось, будто его ударили. Помолчав, он произнес:

– Рэд, ты не думаешь, что нам лучше больше не говорить о Рональде?

И можете мне поверить, это меня остановило. Мне стало стыдно и противно. Старина Слоуп был простаком, но при всей его примитивности и вежливости у него было достоинство, ну, если не короля, то по крайней мере священника, который верит во что-то огромное, великое и не тратит время на презрение обычных людей, как вы или я.

Довольно долго мы шли молча, не разговаривая. Потом я услышал, как Слоуп тяжело вздохнул и постарался заглушить этот вздох. Наконец он сказал:

– Рэд, я хочу побродить здесь и найти какую-нибудь работу. Может, ты тоже захочешь пойти со мной?

Это было на него очень похоже – пойти работать, горбатиться всю неделю, как какой-нибудь раб, чтобы в субботу иметь пустой карман.

Я рассказал ему старую, всем известную шутку.

- Ты слышал, Слоуп, о самом верном способе заработать миллион долларов?
- Каком? – искренне заинтересовался он, будто подсадная утка в каком-нибудь шоу.
- Надо работать миллион дней за доллар в день и не тратить ни пенни.

Дюган немного подумал, потом протянул:

– Но ведь человек вынужден хоть что-то тратить на жизнь. – И вдруг смысл этой старой, изношенной до дыр, давно отцветшей шутки дошел до него, и он громко, весело рассмеялся. – Ты – занятный парень, Рэд!

Должен признаться, я немного разозлился, решив, что это, так сказать, слишком заниженная оценка моих достоинств.

– Но ведь ты можешь заработать деньги, даже очень большие деньги, здесь, в Потсвилле, не вкалывая до седьмого пота, – сообщил я Слоупу.

- Нет? – удивился этот доверчивый, как дитя, человек. – Тогда как же я должен работать?
- Головой, – сказал я. – И послушай, до сих пор я приносил тебе удачу, верно?
- Да, Рэд, – признался он, – ты приносил мне огромную удачу!
- Тогда позволишь мне сделать еще кое-что?
- Конечно, – ответил он.
- Ладно, дай мне немного времени, чтобы я мог придумать план.

Великан кивнул:

– Ты очень умный парень, Рэд.

Я прямо расстроился, потому что он был до того доверчивый, что мог надеть цилиндр со спрятавшейся под ним змеей, а в животе у него от этого даже не засвербило бы.

Поэтому мне пришлось опять объяснять:

– Дело не в том, что я умный, а в том, что Потсвилл кишмя кишит жуликами. Сам я не специалист, но слегка соображаю, что происходит там у них в котелках. Понимаешь?

– Надеюсь, понимаю, – отозвался он неуверенно.

– Но что нам действительно необходимо, так это найти хоть одного по-настоящему честного человека, а это довольно трудно в лагере золотоискателей, поверь мне. Я бывал в этих местах и раньше.

– Конечно, честный человек всегда полезен, – проговорил Слоуп, – но почему именно теперь он так тебе необходим?

– Чтобы стал для нас сейфом, – пояснил я.

– А-а, – протянул мой оболтус.

– О, Слоуп! – взорвался я, не на шутку раздраженный. – Неужели ты не понимаешь, что Рональд Большое Сердце и его дружок Бонанза Крис попытаются выкрасть у тебя эти сертификаты, даже если для этого им придется разmozжить тебе голову или нанять пару головорезов, чтобы они тебя застрелили?

– Ты и в самом деле думаешь, что Бонанза на это способен? – ужасно поразился Дюган.

Я заметил, что при этом он не упомянул имя брата. Однако и не возразил против мною сказанного. Не трудно было догадаться, что я раз и навсегда расстроил планы этого замечательного братца.

– Думаю, перерезать тебе горло Бонанзе проще, чем отрезать кусок бифштекса, – добавил я. – И поверь мне, это действительно так. Он и мне с удовольствием перерезал бы горло, так что с этого момента я забочусь о том, чтобы спасти обе наши шкуры!

Глава 11

Спустя несколько минут я заметил нашего преследователя и довольно хорошо его разглядел. Это был тот самый буйвол, который приходил к Слоупу и обещал попозже разобраться со мной. Только теперь он не спешил. Просто шел и смотрел. Конечно, нужно иметь очень нечистую совесть или очень хорошие глаза на затылке, чтобы заметить за собой тень, которая знает свое дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.